

АЛЕКС АНЖЕЛО

КАМ

Алекс Анжело
Кай
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69333109

Кай:

ISBN 978-5-04-188576-2

Аннотация

Кай не похож на других жителей своего городка. Его глаза голубые, точно лед, а само существование окутано тайной и предрассудками. Много лет назад он единственный выжил в ночную метель, и теперь настало время вернуть долг зиме. Герда, любящая красные розы и Кая. Кай, ставший художником и ищущий правду о своем прошлом. Дева Льда, чьи руки испачканы в крови... Она явилась забрать то, что уже давно принадлежит ей – сердце Кая.

Новая книга от Алекс Анжело, автора цикла «Мир Дэвлата», – законченная история-однотомник.

Новый взгляд на историю Кая и Герды – и таинственной Снежной Королевы.

Что сделало ее такой жестокой? Да и правда ли она так холодна и беспощадна или это люди приписывают ей злодеяния, не желая нести ответственность за свои поступки?

Дева Льда в новом образе, более хрупкой и более юной.

Ее жизнь переплелась в жизнь Кая, который полон загадок, – не даром глаза его холодны как лед.

Потрясающее оформление книги – от обложки до страниц с текстом – поможет полностью погрузиться в историю и считать намеки, оставленные автором.

Содержание

Пролог	6
1	12
2	31
3	41
4	61
5	73
6	86
7	97
8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алекс Анжело

Кай

© Анжело А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Сколько себя помню, мне всегда снился один и тот же сон – странный, завораживающий и кровавый. Хоть крови не было и в помине, но я отчетливо ощущал ее вокруг. Словно что-то погибало, пока под ногами на снегу расцветали сотни белых роз, которые, стремительно раскрываясь, радовали взгляд молочными лепестками. Вскоре из сердцевины выбирались мотыльки со сложенными крыльями – тоже белые, с махровыми усиками. Их было столь много, что, взлетая, они будто стирали весь мир вокруг. В этот момент ощущение чьей-то смерти ложилось на плечи, проникало внутрь и сжимало сердце ледяной рукой, а когда оно становилось невыносимым – я просыпался.

Поначалу эти сновидения пугали меня – ребенком я дрожал и плакал, закутываясь плотнее в одеяло. Из-за этих кошмаров не спала и бабушка: просыпалась от моих криков, приносила с кухни теплое молоко с медом. Я успокаивался и засыпал вновь, но ни разу не рассказал о своем сне. Ни об одном.

Полагаю, я боялся слухов, которые в то время и так ходили обо мне. О проклятом ребенке. Ведь все, что идет вразрез с привычной размеренной жизнью людей, наверняка может принести одни лишь беды... А я давно был отмечен холодом и морозом.

Снегопад в день гибели моей матери шел невиданный – так говорили люди, ведь то время в моей памяти не сохранилось. Еще с утра ясное небо – редкость для осени в тех краях и по сей день – радовало яркими лучами солнца. В свете дня выпавший накануне снег успел слегка подтаять и засверкал, словно кто-то рассыпал по нему горсти бриллиантов.

Пейзаж за городом, за исключением высоких сосен и елок, состоял исключительно из белых оттенков с редкой синевой отражавшегося в снежных просторах неба и теней деревьев, словно кто-то облил мир цинковыми белилами. Вершины гор же на горизонте виделись как никогда ясно, не укрытые островками облаков. От этого казалось, что до них рукой подать – не больше часа пути верхом.

В те годы, на исходе девятнадцатого века, зимой наш край словно засыпал – снег заносил дороги так, что из некоторых поселений, затерявшихся среди гор, нельзя было выбраться все зимние месяцы.

Помню, когда я был уже в более сознательном возрасте, мой учитель, исполнявший эту роль всего пару лет и прибывший в город, наслушавшись о красотах природы, сказал:

– Белое золото возвышает вас, но белая смерть так и норовит убить. Может, когда-нибудь *у нее* это выйдет? – Он не уточнил, о чем или о ком именно говорил в тот момент, а я не стал спрашивать.

Учителя чрезвычайно забавлял тот факт, что наш город жил бок о бок со смертью.

Белым золотом в Хальштатте называли соль, которую добывали в недрах горы, – практически все жители зарабатывали на жизнь этим ремеслом, спускаясь каждый день в шахты по глубоким желобам. А белой смертью прозвали снег на верхушках гор и особо снежные зимы, случавшиеся примерно раз в десять лет, заносящие дороги и едва не погребаящие весь городок под белым покровом.

Застань одна из тех яростных метелей тебя в Малервеге – лесу, раскинувшемся по правую сторону от склона горы, – и ты не жилец. Но не только снег носил столь мрачное название. Еще Белой смертью звали *ее*. На самом деле ее много как называли и до сих пор кличут.

Тихо, шепотом рассказывают друг другу украдкой о Деве, которую раз в несколько лет кто-то из местных да заметит – то парящей на фоне закатного золотого неба, то гуляющей у кромки леса, то ночью, обласканная лунным светом, она проносилась над озером, то ее силуэт был различим во вновь обрушившемся на город снегопаде.

Хотя со временем она стала осторожнее. Время потребовало – не прятаться, а выйти на свет. Время многое изменило.

Но моя история началась много лет назад, поздней осенью, когда снег уже укутал землю, но еще не перекрыл пути, молодая женщина, наняв дилижанс, ехала из близлежащего Линца в Хальштатт – городок, зажатый между горой и озером и оттого вынужденный ютиться на коротком пологом

склоне. Путница возвращалась в дом матери, которая осталась одна в тот год, потеряв мужа. Он умер не от старости, хотя уже давно был немолод, – погиб в шахте. Его лишил жизни камень соли, отвалившийся от свода и упавший точно ему на голову. Череп проломился, и, словно из-под кисти невидимого художника, на соли расцвели алые цветы.

Так совпало, что и молодая женщина в тот год лишилась мужа. Он умер от лихорадки, сгорев за считанные дни, оставив ее одну с годовалым сыном. Кареглазый, с черными, словно антрацитовый уголь, волосами, я был как две капли воды похож на отца – актера, мечтавшего стать известным. Возможно, он бы добился своей цели – как раз перед тем, как отца одолела лихорадка, ему дали ведущую роль в пьесе. Так, по крайней мере, рассказывала мне бабушка, пока была жива.

В тот день, когда моя мать отправилась в дорогу, ее застал сильнейший снегопад. Дилижанс уехал настолько далеко от Линца, что возвращаться уже не имело смысла, оставалось только двигаться вперед. Более уместный для середины зимы, чем для поздней осени, холод пришел следом – жестокий и голодный. В итоге утоливший свою жажду крови и отыскавший жертву.

Моя мать замерзла насмерть в ту ночь, как и кучер, ведущий дилижанс. Ее нашли в снегу, точно она решила преодолеть весь путь пешком, когда поняла, что колеса повозки прочно застряли в глубоких снегах. Но далеко уйти она не

сумела – упав, прижимая к себе годовалого ребенка, осталась недвижима навсегда.

А метель прекратилась столь же внезапно, как и началась, уже к середине ночи небо вновь стало ясным, так что его усыпали мириады сверкающих огней, и даже Млечный Путь был виден невооруженным глазом, словно разлитое в воде молоко.

Именно ушедшая метель позволила группе людей из Хальштатта отправиться на поиски. Мать ждала дочь, которая так и не преодолела внезапно обрушившуюся стихию. Думаю, она надеялась, что вмешалась сама судьба и моя мать никуда не поехала, оставшись в Линце.

Судьба действительно вмешалась. Правда, по-своему. Из людей, отправившихся в путь на том дилижансе, не выжил никто. Поисковый отряд из Хальштатта нашел лишь мальчика, укутанного в меховую накидку, которого прижимала к себе заледеневшая женщина – ее волосы и кожу, словно меловая пыль, покрывал иней.

Когда они подошли ближе, ребенок в ее руках, укрытый тонким слоем снега, открыл глаза, и его взор лишил мужчин дара речи – яркая ультрамариновая радужка, словно лепестки пролески, светлела к краю. Она выглядела неестественно и точно светилась изнутри.

Но самым поразительным стало дыхание ребенка – в теле осталась жизнь.

Мое появление в родном городе матери сразу же окута-

ли истории – нелестные, полные мистики, они твердили, что сама Дева Льда вдохнула в меня жизнь. И что меня спасла зима. Но зима – это смерть. И значит, одарив жизнью, она отнимет еще больше.

С тех пор людские страхи и опасения преследовали меня всегда. Но нашлись те, кто шел против предубеждений, став мне близкими. Их лица я храню в памяти и поныне.

Но даже от них я скрывал свои сны. Неизведанное пугает и отталкивает, а я не желал вновь стать *чужим*. Но вскоре так забылся, что запутался, взрослея, и все больше терял себя.

Только от себя не убежишь. И судьба неминуемо возьмет свое.

Знайте, я никогда не желал быть *иным*, но стал им без согласия.

1

Прежде чем войти куда-то, убедись, что ты знаешь, где выход...

Дневник Кая

Лето переливалось буйными красками, сладкие цветочные ароматы гуляли по городу. Солнце светило столь ярко, что казалось, в мире не осталось места для тени. Тепло согрело лицо юноши, который сидел у самого окна с распахнутыми ставнями. В руках он держал несколько листов бумаги – дорогой, привезенной соседом с ярмарки.

Благоухание роз проникало в комнату – нежный запах царил повсюду.

В длинных изящных пальцах юноши был зажат кусочек угля, с помощью которого он ловкими движениями вырисовывал девичий силуэт. Рядом лежало еще несколько готовых портретов улыбающейся девушки со сверкающими глазами и веснушками на лице. Черные штрихи передавали настроение не хуже цветных мазков краски – любая линия, ничто сама по себе, вместе с остальными становилась искусством. На каждом рисунке было передано разное выражение лица, но объединяло все изображения одно – нетерпение, сквозившее в чертах Герды.

Ей никогда не хватало терпения для позирования, и ее не

прельщали картины маслом. Кай знал, все дело в оттенках – она желала, чтобы они были ярче. Но Герда любила работы углем и собирала их, развешивая на стенах в своей комнате дома напротив.

– Кай! – Оклик прервал его размышления, юноша от неожиданности вздрогнул. Герда словно знала, что он думал именно о ней.

Отойдя от стола, стараясь ничего не задеть испачканными пальцами, он выглянул из окна. И заметил ее сразу – по облаку рыжих кудрей, на которые, словно королевский венец, возложили венок из одуванчиков. Летом ее лицо особенно сильно усыпали веснушки, которых она стеснялась, но поделаться с ними ничего не могла. Каждый раз, когда приходило тепло, Герда надевала шляпу с широкими полями, прикрывая кожу, но вскоре забывала о ней, и к середине июля веснушки, как вражеские захватчики, усыпали щеки и скулы.

– Идем? – позвала она, задрав голову. – Ребята уже ждут нас на озере.

Кай оглянулся, бросив взор на законченный портрет и несколько все еще чистых листов, лежащих рядом.

– Хорошо, сейчас спущусь, – бросил он, пропадая из окна и нечаянно задевая куст розы, что рос снаружи в огромной кадке, прикрепленной к стене. Раздался треск, и неокрепшая ветка с красным, почти раскрывшимся бутоном надломилась.

Каждый год Герда сажала алые розы в этот деревянный

ящик вот уже на протяжении семи лет. К концу лета мелкие бутоны расцветали за окном Кая.

Розы в Хальштатте любили все. Ярко-красные, с мясистыми бутонами и длинными колючками на стеблях, они росли по обочинам улиц – иных сортов роз жители не разводили и не признавали.

Кай замер, глядя на надломанный стебель. Очнувшись же, принялся тихо ругаться, помня, что Герда давно заприметила именно этот бутон, – он был самым крупным, и, по ее словам, его лепестки имели особенно яркий рубиновый оттенок.

– Может, мне подняться? – раздался нетерпеливый голос.

– Не надо! Подожди минутку! – отозвался Кай, неотрывно смотря на каплю крови, набухавшую на пальце.

Вид собственной крови заставил его на мгновение застыть. После он тяжело сглотнул и выхватил платок из кармана брюк. Намочив его водой из кувшина, отмыл пальцы от угля, избавляясь от алой влаги и словно стирая следы своего преступления. Закончив, остановился у зеркала, застигнутый недавней мыслью.

Дорогое зеркало-псише – высокое, во весь рост – принадлежало еще его матери. Его привезли из Линца на ее шестнадцатилетие.

Кай сделал шаг, и отражение шагнуло ему навстречу. Ему всегда говорили, что у него необычные глаза. И это было отнюдь не комплиментом. Скорее, говоривший был полон

настороженности, разглядывал его, как диковинку, стараясь отыскать, за что еще зацепиться и на что указать. Так ничего и не найдя, чужой взгляд ненадолго потухал. До следующей встречи.

Временами Кай слышал, о чем шептались соседки. Он красив, слишком красив для юноши. Прекраснее их дочерей, разве может мужчина быть таким? Не иначе влияние *иной* силы!

Он научился не замечать их голосов, что стали громче после смерти бабушки пару лет назад, и немного утихли, когда ему дали работу в церкви – создать фреску на одной из стен.

Кроме красоты их пугали события, при которых погибла мать Кая. Они и его самого наводили на смутные мысли. Ни один годовалый ребенок не выжил бы в ночной зимний мороз. И сколько бы теорий Кай ни строил, ответов так и не находил. На холоде он мерз, как и все, а в возрасте девяти лет намеренно убежал в лес и едва не погиб в снегах. Ему повезло, он выжил, а после наткнулся на охотников из их городка. Вскоре у Кая осталась лишь одна зацепка – та, о ком шептались лишь за плотно запертыми дверьми. Та, которая могла погубить весь их город в угоду своей жестокости и гордости, а пока лишь годами посылала им испытания. Еще в детстве Кай слышал от Петтера, мальчишки на пару лет старше, изводившего его, сколько он себя помнил: метель и мороз той ночи насланы Девой Льда. Лишь ей это под силу, и лишь она способна кого-то спасти в столь лютый холод.

Дева Льда, Ледяница, Королева Льдов, Снежная Вельма...

Лишь малая часть ее имен.

– Кай! Неужели уснул? – Новый окрик вырвал его из мыслей. Он моргнул, неожиданно понимая, что приблизился вплотную к зеркальной поверхности, словно Нарцисс, разглядывающий свое отражение.

Поборов оцепенение, Кай поторопился наружу, заперев дверь в свои комнаты. Он жил на третьем этаже, хотя когда-то все здание принадлежало его семье, но содержать целый дом тяжело. Да и в городке всегда были проблемы с землей – Хальштатт ютился на узкой полосе между горой и озером, отчего разрастаться было просто некуда, поэтому уже несколько лет на первом этаже жила другая семья. Кай почти с ними не виделся, используя второй вход с задней части дома.

Выйдя на улицу и завернув за угол, Кай сразу же увидел Герду. Она сняла с головы венок и стояла теперь, прислонившись спиной к стене и общипывая на нем цветы. Корзина, укрытая белой тканевой салфеткой, стояла на земле.

– Ты о-очень долго, – протянула Герда, отрываясь от стены и наклоняясь за корзиной. – Идем. Сегодня так жарко! – возвела она взгляд к бескрайнему синему небу. – Не будь меня, ты бы и вовсе, наверное, не выходил из дома.

– Возможно, – согласился Кай, вскидывая взгляд к своему окну. Розы в горшке покачивались, тревожимые ветром.

Герда отчего-то рассмеялась перезвоном хрустальных колокольчиков, привлекая его внимание. Он улыбнулся в ответ и забрал из ее рук корзину.

Герда была его семьей, практически сестрой, и он любил ее как родную. И из-за этих чувств разделял ее желания и устремления. По крайней мере, раньше всегда было так.

От скрытого за домами озера доносились крики птиц. Розы, высаженные по краям дороги, сладко благоухали. Словно рубиновой лентой, они украшали их путь.

Герда по-хозяйски взяла Кая за руку, и он ощутил тепло ее тонких пальцев. Многие могли истолковать их отношения превратно. Особенно теперь, когда им обоим почти минул семнадцатый год.

Они направились к укромной заводи, туда, где берег не был скалистым и изгибался, а тень ив скрывала от чужих взглядов.

С наступлением холодов водная гладь покрывалась ровным блестящим льдом, ослепительным и прозрачным, пока его не припорошит первый снег. Именно на этом озере Кай и Герда в детстве долгими зимами катались на коньках. Ныне это происходило реже. Взросление уничтожает свободное время и наполняет жизнь заботами, а для Кая оно превратилось в поиски заработка, чтобы избежать спуска в соляную шахту. Временами Кай подрабатывал в семье Герды – таскал тяжести на кухне и исполнял любую порученную работу, пока господин Хакон, как и большинство других мужчин, до-

бывал соль. Остальное время он тратил на свои картины, посвящал им каждую свободную минуту, в мыслях лелея желание уехать, но что-то удерживало его на месте, словно на ноги надели кандалы.

И это отнюдь не был страх перед неизвестностью.

Пока достойно существовать в Хальштатте ему помогала работа над фреской и семейные портреты, которые в последнее время заказывали местные жители. Правда, денег приносило это мало, едва окупались краски. Лишь семья Хэстеинов могла достойно оплатить его труд – они владели большей частью шахты, их поместье, со стороны выглядящее точно средневековый замок с картин, виселось на другом берегу озера. Ныне фреска, которая должна была украшать церковь, была наполовину завершена. Таланта и усердия Кая оказалось достаточно, чтобы его наняли для выполнения столь важной работы. И именно эта работа позволяла ему не бедствовать и держаться дальше от шахт. Каю казалось, уступи он хоть однажды, покорись судьбе и пойдя по легкому пути, и больше никогда не напишет ни одной картины. Глупое убеждение, но теперь он держался за него твердо, несмотря на порицания окружающих: взрослый парень, а занимается ерундой, мешки с мукой таскает да красит что-то.

Герда же помогала с выпечкой в доме своей матери. И, кажется, мечтала сбежать. Они разговаривали об этом раньше, когда были младше. Но теперь перестали. Герда сама стала избегать этих разговоров.

Озеро встретило их сверкающей гладью и кваканьем лягушек на поросшем камышом берегу, на котором расположилась остальная часть их компании.

Трин сидела у самого берега, опустив белые ступни в прохладную воду. словно озерная гладь в ветреные дни, ее темные волосы волнами спускались до самой талии, укрывая спину. Полненькая и низенькая, но с широкой улыбкой, в которую складывались ее пухлые губы. Ее брат Йон, напротив, отличался высоким ростом. Он напоминал отца, с его щербатой улыбкой и такими же мозолистыми руками, натруженными в их семейной мастерской.

Обычно их всех отпускали к озеру в обеденное время. Лишь Кай был сам себе хозяин.

Герда помахала им, припустив вперед и оставив Кая с котомкой еды позади.

– Почему вы так долго? – спросил у нее Йон.

– Кай вновь увлекся и забыл про время, – бросила Герда, дожидаясь, пока он догонит ее. А после сдернула салфетку с корзины и стала раскладывать содержимое на поваленном стволе дерева, чья крона опускалась прямо в озеро, словно утонув в зеркально-чистой воде. И лишь часть листвы упрямо тянулась к небу, свету и жизни.

Вскоре они устроились, попивая ягодный морс и смотря, как кусочки облаков скользят над головой. Временами в озере плескала рыба. Но несмотря на царившую жару, лето подходило к концу. Близилась осень.

– Мама купила чудную красную ткань для нового платья, – похвасталась Трин Герде.

Йон закатила глаза, видимо, уже раз в десятый слыша о покупке.

– Вот такого оттенка, – ткнула Трин пальцем в тонкую материю, что удерживала часть волос Кая на затылке, чтобы те не лезли в лицо.

Герда проследила взглядом, и ее губы медленно растянулись в улыбке.

– Кажется, у нас будут платья одного цвета, – проговорила она, не расстроившись по поводу случившегося. Герда любила алый, и все, кто был знаком с ней, знали это. Но материя столь яркого оттенка всегда была дорогой.

Трин новость скорее расстроила. Не следя за нитью разговора, Кай поднял ладонь и дернул за край ленты, распуская узел и позволяя черным прямым волосам упасть на скулы.

Он сжал ленту в руке, рассматривая так, словно впервые увидел, и потирая гладкую ткань пальцами.

«Все люди любят розы, Кай. Разве они не прекрасны? Алее цвета не найти. Даже кровь не краснее этих лепестков, верно?» – говорила Герда. Она часто повторяла это, словно молитву во время службы, и не замечала за собой этой черты. Ее слова и сейчас возникли в его голове.

От Йона не укрылось это движение, но он, вновь глотнув морса, туманным взором уставился на водную гладь и на белых лебедей вдалеке, которые грациозно выгибали шеи, па-

рами скользя у противоположного берега.

– Если я умру раньше, пообещай, что именно ты украсишь мой череп, – вдруг проговорил Йон, засмотревшись на часовню. Трин возмущенно обернулась, кидая на брата недвольный взгляд.

– Можно за обедом обсудить более приятную тему? – заметила Герда.

– Сомневаюсь, что я проживу дольше. Но попрошу о том же тебя, – невозмутимо откликнулся Кай. На самом деле от друга уже не раз звучала подобная просьба – слишком пессимистичный и в то же время апатичный взгляд тот имел на жизнь.

Всех мертвецов через несколько лет выкапывали, чистили черепа и уносили их в часовню, освобождая на кладбище место для новых захоронений. Земли вблизи города было мало, всюду горы. А в Малервеге, близлежащем лесу, хоронить не решались – слишком далеко от поселения.

Вскоре время обеда закончилось, остальные убежали, а Кай, позволив себе задержаться, некоторое время сидел, смотря бездумно на озеро. А после поднялся, отряхнув руки, и выбрал тропинку, уводящую в глубину леса.

Неподалеку от места их обеда, скрытый за несколькими многовековыми елями и скалами, находился колодец – широкий, с десятков футов в диаметре. Часть горловины обвалилась, и серые булыжники, упавшие рядом, покрылись мхом. Приблизившись, Кай крепко сжал в руке гальку, подобран-

ную с берега озера, отчего на нем оказалась капля крови – видимо, шип розы глубоко вошел в кожу. Не думая, Кай бросил его в темнеющее жерло.

Своеобразный ритуал появился у Кая сам собой пару лет назад, и теперь, проходя мимо, он всегда кидал в колодец камень. Иногда загадывал желание, иногда делал это и вовсе бездумно.

Он пошел прочь, стремясь скорее вернуться к себе и вновь взяться за уголь. Вскоре Кай скрылся среди деревьев, так и не узнав, что камень упал, не издав и звука, словно сгинул, исчезнув из бытия.

Карман. Измерение Зеркала разума Йенни

– Ты мухлюешь, – грубо проговорила девушка, косо глядя на ледяные осколки.

Соманн изогнул бровь:

– Не надо пустых обвинений, королева.

– А ты не пытайся меня обмануть. – Она сжала кулак, и недавно собранные осколки вновь рассыпались по столу.

Вверху, сидя на нижней ветке высоченной ели, согласно крикнул Варди. Глаза белого сокола – прозрачные, словно грани бриллианта, – остро сверкнули. Ствол дерева, на котором сидела птица, был покрыт тонким слоем льда, даже иголки, имевшие лиловый оттенок, не обошла эта участь.

– Эй, мы ведь и так играем по твоим правилам! – возмутился Соманн, поднимая голову от осколков. Доспехи на его

теле – из чистого золота, с выгравированными цветами – ярко сверкнули.

– Так я и не желала играть вовсе. Я вообще-то спала. И собираюсь вернуться к этому занятию. Сеятель, иди, покуда не выставила тебя, – поднимаясь, сказала Йенни и откинула с плеча длинные белые волосы, которые частично прикрывали вечно юное лицо.

Соманн краем глаза покосился на одну из трех морд волка, что бело-серебристыми линиями вились по ее руке от ключицы до запястья. У основания большого пальца скалилась морда.

– Ты ведь так не поступишь. Тогда я перестану даровать тебе сны. Или буду насылать кошмары, – сверкнул Соманн белозубой улыбкой. Существом он был древним и обладал немалой силой, управляя сонными грезами. Но зачастую относился к своей работе с небрежностью и настолько часто попадался на глаза людям, что за несколько веков появились те, кто разглядел и запомнил его силу. В итоге он даже получил прозвище Песочный человек за свою магию, имеющую золотой оттенок.

Впрочем, не Йенни было обвинять его в небрежности. Она сама попадалась людям куда чаще. Особенно людям Хальштатта, которые увиденное обычно запоминали. Возможно, именно это и стало одной из причин тому, что они с Соманном нашли общий язык. Но изначально познакомил их долгий сон Йенни, в который она от скуки погружалась

в летние месяцы. А если кто-то спит беспробудно больше нескольких месяцев, Сеятель обязательно заметит, будучи даже второстепенным божеством. Он заявился в ее сновидение, и после оба поняли, что их знакомство оказалось весьма полезно. Сеятель подарил Деве Льда крупицу своей силы, а она помогала ему решать разногласия, возникающие у Соманна с другими обладателями магии.

Могущество Соманна простиралось на чужой разум, а в мире людей он был слаб. Поэтому, если у него возникали разногласия с кем-то в реальности, то вскоре вслед за ним появлялась Йенни.

А в мелкие стычки Сеятель влипал довольно часто. К тому же он создал больше десяти своих копий, которые затем бродили по миру, отчего вероятность с кем-то повздорить тоже выросла десятикратно.

Йенни покачала головой, складывая руки на груди и глядя вдаль, туда, где у горизонта, окруженный морозной дымкой, словно мираж, виднелся пик одинокой горы.

Дева глубоко вдохнула, словно улавливая что-то в воздухе.

– В мире людей скоро наступит осень, – проговорила она.

– Разве тебе не пора убить того мальчишку? – заинтересованным тоном спросил Соманн, вновь увлеченный осколками. – Он и так прожил долго.

Будь Сеятель существом более опасным и с большими амбициями (ныне его интересовала лишь вечная жизнь в соб-

ственное удовольствие, желательно нескудная), их с Йенни столкновение было бы неизбежно.

Осколок Зеркала разума желают многие: природные духи, дети богов, слабые боги, все еще оставшиеся в мире, и такие как Йенни. Озеро, покрытое тонким слоем льда, в своих водах хранило слишком много силы.

Осколок в сердце мальчишки с каждой зимой сиял все ярче. Закрыв глаза на самую пропажу кусочка Зеркала, она, однако, ощутила его силу в конце прошлой зимы. И теперь обязана была вернуть льдину в озеро, пока за магией Осколка не началась охота. Вырезать сердце из человеческой груди.

– Ты за ним следишь? – с укором спросила Дева Льда.

– Немного, – все так же согнувшись над ледяным пазлом, отозвался ее собеседник. Собирал он его с искренним усердием. Когда-то с Йенни они заключили сделку: перед тем как обратиться к ней за помощью, Сеятелю необходимо собрать воедино один пазл. Условие это было бессмысленным и служило лишь для того, чтобы досадить Соманну, но в мотивах и развлечениях тех, кто прожил века, и не стоит искать смысла.

Ныне Соманн складывал отвратительного на вид бородастого карлика в колпаке. Люди временами изображали его именно таким, и это немало раздражало божество сна.

– Он сильно вырос? Или, может, уже постарел? – предположила Йенни.

«Если постарел, то убивать уже не так жалко», – доба-

вила она про себя.

Соманн поднял голову, удивленно уставившись на нее и сжимая между пальцев одну из тонких льдин.

– Память у тебя как решето, Йенни, – укорил он ее, видя, как белые брови сходятся на переносице. – Люди так быстро не стареют.

– Я уже давно не слежу за ними, – отмахнулась она, задумчиво и раздраженно поморщившись. Прямо в этот миг она гадала, сколько времени минуло с тех пор, как она встретила мальчишку. В тот момент сияние Осколка в его сердце застало ее врасплох.

Но, промучившись некоторое время и так и не вспомнив количество прошедших лет, она вновь махнула на все рукой.

Свою длинную жизнь Йенни мерила не днями и не годами, как смертные, ведь отведено им было крайне мало, а событиями. Обыденные дни, когда не случалось ничего важного, безжалостно забывались, отчего она теряла привычное ощущение времени.

– Может быть, еще зиму-две он сможет продержаться, – задумчиво проговорила она – летом Осколок в его сердце засыпал, вновь становясь практически незаметным для обладающих силой.

«Одну-две зимы... Но разве имеет это значение? Если за ним придут, действовать необходимо будет быстро».

– Ха-ха, так я почти закончил! – вдруг воскликнул Соманн, едва не вскакивая. – Что это? Да ты... – начал было

он, рассмотрев наконец-то в нечетких морозных узорах картинку, когда вдруг с неба упал продолговатый камушек.

Он рухнул вниз, сначала упав на голову задумавшейся Йенни, а после отскочив прямо в сложенные осколки и раз-метав их по ледяной квадратной плите.

Повисла звонкая тишина. Изящная ладонь Девы Льда поднялась, касаясь головы.

– Это что за черт? – процедила она обманчиво спокойно и подняла взгляд к словно обесцвеченному небу. Прямо над ними зияла черная дыра разорванного пространства, кото-рая стремительно затягивалась, словно рана.

– Разве сюда можешь войти не только ты?

– Только я, – отозвалась Йенни, наблюдая, как оконча-тельно исчезает жерло перехода.

– Тогда, может, что-то сломалось?

– Сам веришь в то, что говоришь?

– Ну, я хотя бы предполагаю, – пожал плечами Соманн. – Тебе кто-нибудь говорил, что ты несдержанная?

– Ты. Постоянно, – процедила она, разглядывая землю под ногами, поросшую лиловой травой и слегка припорошенную снегом.

– Забавно. Владычица Льда, – он огляделся, – должна быть вот такой, – и в итоге постучал по квадратной плите ледяного стола, на котором лежали осколки.

– Глухой?

Сеятель на мгновение задумался, ведь стук и правда получился глухим.

– Нет. Холодной, а не вспыльчивой, – нашелся он, а Йенни тем временем наклонилась, отыскав в траве упавший камушек. Задумчиво покрутила его в пальцах, пропуская болтовню Соманна мимо ушей. Вечно он нес бессмыслицу.

В Карман этой реальности могла проникнуть сама Йенни – ведь сила внутри ее тела была сродни той, что наполняла это место – и те, кто напросился на приглашение, ворвавшись в ее сновидение нагим, чтобы привлечь внимание. Соманн считал, что так выражает доверие и уважение к своим друзьям, являясь к ним без защиты доспехов, обнажая свои слабости. Какие именно слабости имел в виду Соманн, Йенни до конца не поняла и, честно говоря, не желала.

Но все же, как предмет из людского мира оказался здесь?

Йенни подняла голову, посмотрев в сторону горы, под которой покоилось Зеркало разума. Озеро, древний дух которого спал и не разговаривал с ней вот уже несколько веков.

Но благодаря его силе в измерение никогда не смог бы проникнуть чужак.

2

Вскоре в Хальштатт нагрянули холода, губя все растения. Не избежали этой участи и розы, высаженные вдоль улиц. Герда каждый день работала, а вечером порой тайком приходила к Каю. Вместе они читали книги, сочиняли свои истории, греясь у горящего камина.

– Как ты думаешь, Дева Льда существует? – задал Кай бессмысленный вопрос. Его мысли всегда сворачивали к ней. Ребенком его беспокоили слова взрослых, в юности же появилось любопытство, а после это была почти потребность – во что бы то ни стало узнать правду о своем спасении. Он вспоминал историю того дня, когда погибла его мать, услышанную из чужих уст, и думал, могла ли Дева спасти его.

«Лед и холод – зло, – говорили все. – Они несут лишь погибель».

Снежную ведьму боялись. Ее чертоги – мертвое царство, где ни один смертный не проживет и дня. Так твердили жители.

Но Кай, как никто другой, знал, сколь мало истины в людской молве.

– Ты часто спрашиваешь об этом, – заметила Герда, запрокидывая голову. И верно, стоило зиме наступить, Кай вновь вспоминал о ее владычице. – Конечно, существует. Мой дед однажды видел ее. – Она перелистнула страницу книги, а по-

сле перевернулась на спину, положив голову Каю на колени, словно на подушку. – Знаешь, я даже завидую ей. Мой дед давно мертв, а она жива.

– Ты ведь не знаешь, какова ее жизнь. Может, она не стоит зависти, – проговорил Кай, на мгновение переносясь в зиму восемь лет назад.

– Все равно она сильна и наверняка... свободна, – прошептала Герда и, помолчав, добавила: – Говорят, если убить Деву Льда, то можно забрать ее силу. Только вот ее не убить.

– Кто говорит? – отозвался Кай, впервые услышав такое от подруги.

Герда, расслышав напряжение в его голосе, пожала плечами.

– Не помню. Говорил кто-то. Тебе это не понравилось?

– Просто ты сказала так, будто и правда сделала бы это, будь у тебя возможность, – сказал он, отводя взор.

– Это же просто предположение! Что, если бы... – Герда поднялась, садясь на полу. – Ты воспринимаешь все слишком серьезно, Кай, – посмеялась она над ним.

Она ненадолго замолчала, задумчиво смотря в окно, украсившееся белыми узорами.

– Мама все чаще начинает ворчать, когда я иду к тебе. Говорит, не пристало молодой девушке ходить в гости к мужчине, – поделилась она.

В какой-то степени Кай понимал беспокойство ее матери. И именно поэтому занавески на окнах были распахнуты. Ок-

на его дома и семьи Герды находились столь близко, что они то и дело видели мелькающий силуэт ее матери. Пару раз за вечер она поднималась в комнату дочери, чтобы через стекло незаметно поглядеть, чем они занимаются.

– Думаю... Она права.

Герда бросила на него возмущенный взгляд.

– Ее сложно винить. Это в первую очередь повредит твоей репутации, – задумчиво проговорил Кай.

– Ох, ты сама невинность. – Она поднялась на ноги. – Ладно, пойду домой. Ты уже раз десятый посмотрел на холст. Ждешь, когда я уйду, чтобы взяться за работу?

– Ничего от тебя не скрыть. – Он примирительно улыбнулся.

– Я вижу тебя насквозь, Кай Ларс, – с укором и в то же время с весельем произнесла Герда, уже надевая пальто. – Ладно, продолжай свою затворническую жизнь. Надеюсь, когда-нибудь тебе это надоест. Моих родителей это бы очень обрадовало, они беспокоятся о тебе.

Кай промолчал, прекрасно зная, что думают о его жизни господин Хакон и его жена.

Они рассматривали его в качестве удачной партии для Герды. И она сама была даже не против. Ей нравилась его красота. И этого было почти достаточно, осталось лишь найти стабильный заработок. Повзрослев, Герда стала крайне практичной. Но Кай старался меньше внимания обращать на эту черту ее характера.

Вскоре он остался один и, заварив травяного чая, сел недалеко от камина. Успокаивающий аромат тимьяна наполнил легкие.

Всего за пару лет Кай превратился из нескладного парнишки в прекрасного юношу. Так говорили окружающие, а его самого смущали длинные ноги и руки, из-за которых он чувствовал себя неловким. Впрочем, это чувство преследовало его с рождения. Словно он чего-то не понимал, не чувствовал целостности и от этого был слабым и нерешительным.

Хотя ему хватало упертости, как слепец хватается за руку проводника, цепляться за свое желание держать в руке кисть. Пожалуй, это была единственная вещь, позволяющая Каю оставаться на плаву и дарующая какой-никакой внутренний стержень.

Отставив в сторону чашку, Кай на цыпочках прошел к сундуку в углу комнаты. Разговор с Гердой до сих пор крутился у него в голове.

Он откинул крышку. Сверху, прикрывая самое ценное, лежало несколько свертков ткани, а под ними – портрет. Это был один из первых холстов, которые он смог себе позволить. Краски, кисти и холсты – все это было не только дорого, но и трудно добываемо, что вынуждало Кая ездить за ними в соседний, более крупный город.

В тревожной тишине, пока за окном завывал ветер, он смотрел на прекрасное лицо и белоснежные волосы, мерца-

ющие, словно снег. Широкие раскосые глаза сразу приковывали внимание к ее лику с отчетливо выделяющимися острыми скулами. Но больше всего поражали радужки, светящиеся изнутри, словно лед, который покрывал озеро в Хальштатте. Она была прекрасна, величественна и высокомерна. На лице девушки имелся лишь один изъян – кончик правой брови оказался рассечен, ее пересекал едва заметный шрам.

И сколько ни смотрел Кай на Деву Льда, написанный им самим портрет его завораживал.

* * *

Корочка льда сверкала, отражая розовый оттенок неба, что предшествовал растущим на закате теням. Снег хрустел под ногами. Каждый шаг давался Каю с трудом. Он проваливался почти по бедро, но все равно упрямо шагал к далеким деревьям. Своими темными кривыми ветвями без листьев они словно сшивали края неба и земли на горизонте, не позволяя им расползтись.

На плече Кая висела сумка, в которой лежали уголь и листы бумаги.

Через некоторое время, достигнув цели, Кай шумно выдохнул, издавая слабый победный возглас. Ему потребовалось больше часа, чтобы добраться сюда по глубокому снегу. Он и не думал, что это будет столь тяжело и долго. Его беспокоило стремительно теряющее яркие краски небо. Темне-

ло опасно быстро.

Кай подул на руки, которые тут же снова сковал мороз. Он оглянулся, заметив очень кстати выступающий над снегом пенек, и направился к нему.

– Идеально, – прошептал он, осматривая открывшийся вид, а после достал бумагу и уголь.

Прошло буквально несколько секунд, и он сделал первый штрих, положивший начало работе. Кай увлекся, тщательно перенося на бумагу каждый изгиб древесного ствола, прорисовывая раскидистые дубовые ветви. Снизу они уже не казались нитями, сшивающими небо и землю, а были скорее копьями, пронзающими нависающую пелену светлых облаков.

Кай не видел ничего, кроме того, что желал запечатлеть на бумаге. Не ощутил даже дуновения морозного ветра, обласкавшего его и взметнувшего черные пряди. Так в безмолвной тишине проходило время до тех пор, пока он не завершил рисунок и не пришел в себя. Выведенные точными угольными линиями деревья завораживали. И столько деталей было в этой картине, что даже цвета не требовалось, чтобы понять всю красоту природы. И неважно, что Кай испачкал руки, а покрасневшие пальцы едва сгибались от мороза.

Но лишь закончив свою работу, он заметил леденящий холод. По спине пробежали мурашки. Кай осознал: он не один. Он затаил дыхание, опуская косой взгляд под ноги, где на снегу трепетала, словно рябь на воде, человеческая тень. Кай обернулся стремительно, пытаясь застигнуть незваного го-

стя врасплох, но зажмурился от взметнувшейся перед глазами пурги. А когда вновь посмотрел перед собой, то позабыл, как дышать.

Перед ним стояла *она*. Почти такая же, как на его портрете, но одновременно и не похожая вовсе. Белоснежные прямые волосы, слегка вздернутый тонкий нос, брови и ресницы, словно посыпанные снегом, но сильнее всего приковывали к себе внимание глаза – радужка светлая, почти белая, она бы выглядела безжизненной, если бы не полные синевы линии, расползавшиеся по ней, словно трещины по льду. Взор – острый, словно лезвие ножа.

Его поразила ее облик. Она выглядела слишком юной, но в то же время властной и дерзкой.

Дева склонилась над ним, поднимая руку – от самых пальцев вверх по белоснежной руке поднималась вязь линий, что переливались, словно излучая собственный свет. Эти линии складывались в рисунки, Каю сразу бросилась в глаза распахнутая пасть зверя возле большого пальца. Волк скалился, словно вот-вот готовый напасть.

– Что это? – спросила она, посмотрев вниз. Ее голос гулким эхом повторился в его мыслях.

Кай проследил за ее взглядом.

– Это... Это уголь, – отозвался он, жадно рассматривая лик Девы.

– Уголь? – повторила она за ним. От девушки веяло холодом. Свежестью раннего зимнего утра. Пальто на его пле-

чах покрывалось инеем, он словно слышал, как вырастали кусочки льда на ткани. – И им можно создать это? – кивнула девушка на лист в его руках. Наконец-то Кай осознал, что заинтересовало ее на самом деле. Она задумчиво переводила взгляд с него на творение в его руках. И каждый раз ее взор задерживался одинаково долго, словно она не могла решить, что ей интереснее.

Тем временем Кай ответил:

– Лишь в умелых руках.

– Хм. Ничего особенного, но все равно прелестно. – Дева сощурила холодные глаза, будто задумалась. Ее изящная рука коснулась листа, и вот уже ее пальцы едва не касались его губ.

– Отдашь? – Ее глаза угрожающе заблестели, а уголок губ изогнулся. – Отдашь и останешься сегодня жив, – легко пообещала Дева.

«Сегодня?» – пронесся молчаливый вопрос в голове Кая. Одно-единственное слово, казалось, меняло всю суть. Но ему грозили смертью, а он отчего-то не испытывал и капли страха. Лишь смятение. Все его чувства словно оцепенели, а сердце в груди забилось гулко – ему будто стало тяжело продолжать гнать кровь по венам. И дыхание Кая стало таким же гулким.

Он опустил взор на лист в руках – темные угольные линии покрывала вереница снежинок.

– Подарю, – вдруг прошептал он, едва шевеля губами.

Снежная Дева возвышалась над ним и оттого склоняла голову, а волосы, местами сверкающие, точно лед, свисали прямыми строгими прядями. Рассеченный уголок брови придавал ей воинствующий и дерзкий вид. Она выглядела величественно, как истинная королева. Будто раздумывала, стоит ли принять то, что отдано добровольно, а не отнято или потеряно.

– Мне никогда ничего не дарили, – в конце концов призналась Дева Льда – это имя Каю нравилось больше всего. – Значит, я могу забрать и твою жизнь, и твое творение?

– Можешь, – согласился Кай, сглотнув и словно ступая на шаткий мост. – Но прежде я бы хотел написать еще что-нибудь для тебя, – нашел он способ остаться в живых и даже не соврать.

Ее задумчивый взгляд устремился в никуда, а после она выдохнула едва ли не ему в губы:

– Хочу.

– Тогда я создам, – самозабвенно пообещал он, не понимая, что же на него нашло, не находя причину своей покорности.

Девушка резко склонилась, ее палец с длинным острым ногтем коснулся его подбородка, приподнимая.

– Не обмани меня, Кай, – пригрозила она, смотря в его глаза и становясь немного выше. Снег поднимал ее над ним, а вокруг них кружила пурга.

– Не обману, – дал он слово, замороженный навеки юным

лицом. И с этими звуками взметнулся снег, залепил глаза, завыл ветер, Кай зажмурился, не в силах смотреть. А когда ветер утих и мир вновь распростерся перед ним, не увидел он ни снежной пурги, ни Девы. И лист из его ладони тоже исчез. Не осталось ничего, словно ветер тщательно уничтожил улики, указывающие на ее существование. Будто все случившееся было лишь сновидением.

3

В ту ночь Кай долго не мог уснуть. Он лежал в постели, подложив руку под голову и невидящим взглядом смотря в потолок. Он повстречал настоящую Деву Льда, но чувствовал себя идиотом. Мысли в его голове кружили беспорядочным роем, с которым Кай никак не мог совладать.

В конце концов он не выдержал, поднялся, направившись к книжному шкафу. Провел рукой по корешкам, словно не зная, за чем обратился к книгам. А после достал один из своих дневников, спрятанных за фолиантами. Пролистал страницы, видя мельтешение мотыльков – насекомые словно ползли по бумаге. Кое-где на страницах встречались соцветия роз. Белые розы опасливо вились по краю листов, будто не желая занимать больше места, чем им отведено.

Отыскав свободные страницы, Кай вернулся к кровати и, как и в прежние времена, стал заполнять их. Он всегда помнил, как начинал рисовать, но после забывался в процессе и приходил в себя лишь позже, когда несколько страниц вновь были заполнены странными, немного пугающими рисунками.

– Дитя ледяных вод, не страшны ей ни пламень, ни острые мечи, – неожиданно прошептал Кай слова одной песни. А услышав собственный голос, замер, и кончик грифеля завис в воздухе, так и не нанеся следующий штрих.

У Кая проблемы – ему грозила смерть. Дева точно желала его убить. В их прошлую встречу в лесу, когда ему было всего девять, она тоже говорила об убийстве, но совсем иначе. В то время она лишь раздумывала о его судьбе, а ныне приняла решение. Сомнение и уверенность. Все равно что опавший лист, несомый ветром, и выстрел из ружья.

Запрокинув голову и отвлекшись от дневника, Кай задумался. И вновь почувствовал себя идиотом. Наверняка и выглядел он так же, когда увидел ее.

Он вспомнил Йона, который точно так же вел себя, будто сам не свой, рядом с одной девушкой – она была на год старше его, и это заставляло беднягу еще больше нервничать. Но ситуация Кая была иной. Он бы определил свое оцепенение как восхищение произведением искусства. Словно перед ним ожила картина...

Но больше всего Кая интересовало его прошлое, которое было неразрывно связано с Девой Льда. Кай верил: как только он узнает тайну той ночи шестнадцатилетней давности, то наконец-то освободится. И тогда сможет покинуть этот город. При условии, что к тому моменту останется жив.

Взгляд мазнул по портрету на полу, прислоненному к стене. Он вытащил его из сундука сразу же, как вернулся домой.

«*Могу ли я спросить напрямую?*» – задался он вопросом, словно мог получить от девушки на холсте ответ. Нет, это безумие. Даже на холсте Дева выглядела опасно – в глазах застыл враждебный блеск.

Кай отчетливо помнил, как наносил каждый мазок краски, обращаясь к далеким воспоминаниям внутри себя. А после, словно захваченный ими, подолгу мог не пить и не есть, работая над своим творением.

Герда злилась, когда заставляла его в таком состоянии – разжигала камин, ругалась из-за приоткрытого окна, а после боялась, что он заболит.

«Что ты с собой творишь?» – говорила она, а Кай не знал, что ответить.

Тогда Герда называла его упрямым болваном и через некоторое время уходила, громко хлопая дверью.

Так и не отыскав ответа на свой вопрос, Кай вновь убрал полотно в сундук и лег в постель, пряча ноги под одеялом. Прикрыл глаза, засыпая под завывание ветра. И, смотря в окно, он видел, как покрываются инеем стекла в рамах, – на их поверхности расцветали ледяные цветы.

На следующий день Кай зашел в лавку семьи Герды. Был выходной день, и отец Герды стоял за прилавком, подменяя жену. Господин Хакон был высоким, широким в плечах и с пышными темными усами. По словам Герды, усы – это единственное, что позволила ему госпожа Летиция. Она беспокоилась, что если он отрастит бороду, то однажды непременно волосы с нее попадут в тесто.

Запах свежего хлеба витал всюду. Казалось, он навечно впитался в дерево, которым были обшиты стены помещения.

Во взгляде господина Хакона промелькнуло узнавание, стоило ему поднять голову.

– Тебе как всегда? – поприветствовав Кая кивком, показал он на противень неподалеку, прикрытый белой салфеткой, под которой хранились булочки.

– Да, спасибо, – отозвался тот, отсчитывая монеты, когда дверь в лавку вновь открылась, впуская внутрь нескольких мужчин, бурно обсуждавших последние новости.

– Говорю же, небо было чистое, ни облачка! Откуда было взяться метели? – убежденный в своей правоте, вещал один из жителей, прижимая к груди шапку.

Ладонь Кая на мгновение застыла. Преступная заминка. Ему показалось, заметь вошедшие его реакцию, и непременно свяжут происшествие с ним.

Деньги звякнули, коснувшись поверхности стола.

А вокруг никто ничего так и не заметил.

– Хватит, может, не будем... – начал один из его собеседников, явно желая избежать неприятной темы.

– Это наверняка Снежная Ведьма, – убежденно заявил Вигге. Кай крепко сжал сверток с выпечкой. Господин Хакон, сведя брови, слушал чужой разговор.

– Быть не может! – возразили ему.

– Ты с самого утра об этом трезвонишь, – осуждающе проронил господин Хакон.

– А ты думаешь, это все ложь? – оскорбился тот. Кай посторонился, пропуская Вигге к стойке.

– Какое нам дело? Зачем народ пугать? – отмахнулся отец Герды, наваливаясь всем весом на стойку. Он обладал внушительной фигурой и силой, как нельзя лучше подходящей для работы в шахте. Но характер имел мягкий и мирный.

– Пугать? Надо быть настороже! Мало ли что случиться может. Еще ведь не известно даже, может, кто-то и погиб.

– Погиб? – вмешался Кай, заинтересовавшись.

Вигге взглянул на него, будто впервые увидел, и его взор уперся в лицо Кая. Он тяжело сглотнул.

– Говорят, что там, в центре метели, видели двоих. И если первая Ведьма, то второй... – Он сделал красноречивую паузу. – Соответственно, человек. Никто из тех, кто встречал ее, в живых не оставался. – Уголок губ Вигге дернулся вверх. Кай прекрасно понимал, на что он намекал.

Но лишь покачал головой, делая вид, что удивлен услышанным.

«Никто в живых не оставался...» – у этих слов было доказательство, в достоверности которого Кай не сомневался.

В городской церкви на протяжении уже двух веков велись записи всех необычных смертей. Возможно, выбор места странный, но даже священники-лютеране признавали существование Ледяной Девы. Башня церкви была самой высокой в городе, и, возможно, по этой причине именно на ее верхушке Ледяницу непременно раз в десяток лет кто-нибудь да замечал.

Имя матери Кая тоже было начертано в тех стенах. Он

знал, что записи с описанием трагедии хранились на верхнем этаже той самой башни.

– Но, возможно, мы все же скоро найдем новую жертву, – продолжал Вигге упрямо гнуть свое.

– Хватит. Город маленький, все друг друга знают. Давно бы поняли, если бы кто-нибудь умер, – потеряв терпение, вмешался отец Герды. Он разозлился, и так мощный, и словно стал еще выше.

Кай негромко попросился. Господин Хакон махнул ему, сразу продолжив спор.

Кай вышел наружу, вдыхая морозный воздух. На входе он наткнулся на деда Йона, который сидел на лавочке, припорошенной снегом, опираясь на свою трость.

– Господин Йенсенн... – начал Кай, помня, что дед имел непростой характер. И, словно подтверждая его мысли, тот тут же вспылил, вскинув голову резко, как свиристель, сидящий на ветке:

– И ты туда же? Тоже будешь всякие небылицы рассказывать?

– Вам не холодно? – почти одновременно с ним спросил Кай, отчего старик замялся.

– Нет, – хмуро выдал он. – С самого утра только и слышно, как судачат о ней. Лучше бы делом занялись.

Кай едва сдержал улыбку – дед Йона был похож на нахолившуюся птицу. Он был вспылчив, но отходчив и довольно прямолинеен. Хотя иногда его речи звучали слишком гру-

бо.

Даже в Хальштатте находились те, кто относился к рассказам с недоверием, несмотря на доказательства. И дед Йона был из таких. Йон подшучивал, что если даже что-то необычное случится у дедушки под носом, тот с большей вероятностью притворится слепым, чем заставит себя поверить в «чепуху». По этой же причине еще с тех самых времен, когда Кай был мальчишкой, господин Йенсенн относился к нему совершенно так же, как и к любому ребенку в городе.

В течение дня Кай еще не раз слышал рассказы о новом появлении Девы Льда – слухи будоражили человеческие умы. Об этом болтали и прихожане церкви, куда он пришел, чтобы поработать над фреской.

Городская церковь стояла на самом берегу озера Хальштеттер – строгий силуэт, состоящий из геометрических линий, где даже башня выглядела, словно вытянутая пирамида, увенчанная шпилем. Зимой, не укрытая вязью плюща и не украшенная посаженными у фасада розами, она смотрелась особенно мрачно на фоне вздымающихся на горизонте гор.

Придерживая на плече ремень сумки, Кай миновал низкую ограду, сразу попав на маленькое кладбище. Могилы жались друг к другу, из-за чего каждый кусочек свободного пространства земли был на вес золота.

«Или пуда соли», – не раз думал Кай, рассуждая об этом.

Сразу за кладбищем была часовня с костницей, где хранились черепа почивших жителей. Всегда, когда взгляд падал на дверь, за которой хранилась смерть и память, Кай чувствовал пустоту, непонимание и какое-то отторжение.

Смотреть на черепа своих родных, которые когда-то жили, как и он, было тяжело. Ныне пустые глазницы взирали на мир с полок, словно книги со шкафов.

Сделав крюк, Кай коснулся припорошенного снегом креста на одной из могил. Беззвучно поздоровался и почти сразу попрощался – там уже два года лежала женщина, вырастившая его и одарившая любовью. Но останки его бабушки, как и других усопших, не пробудут долго в земле, еще восемь лет – и они тоже окажутся в костнице.

Пройдя кладбище, Кай с силой толкнул дверь и вошел в небольшое помещение для священнослужителей – строгое и аскетичное, с бело-серыми стенами, двумя длинными деревянными лавками и высоким узким шкафом. Несколько деревянных балок пересекали потолок, упираясь в стены.

Фреска, над которой работал Кай, находилась в главном зале, но краски, купленные для работы, он хранил здесь. Забрав все необходимое, Кай вышел в коридор. Его взгляд, как всегда, коснулся лестницы, ведущей на верх башни. Те стены выглядели древнее, чем в зале с алтарем, – шербатый светлый камень не был покрыт штукатуркой, как нижние помещения.

– Кай? – окликнул его священник. Герхарда и Кая раз-

деляли всего семь лет, но, облаченный в черные одежды, с бородой и широкой, словно бочка, грудью, он казался куда старше своего возраста. Он пошел по стопам отца, который заведовал приходом этой церкви, видимо, в будущем собираясь окончательно перенять семейное дело.

Герхард заметил, куда был направлен взор Кая. Но тот уже отвел взгляд, поздоровался и обменялся парой фраз о фреске – ее сложный сюжет был наполнен библейскими мотивами. Кай уже больше года работал над ней.

Вскоре, притаившись за колонной и приготовив краски, Кай тихо продолжил свою работу. Часы пролетали незаметно, и вот уже солнце зашло за горы, а остатки дня с трудом рассеивали дымку, обнимающую темные вершины.

Засмотревшись в окно – вытянутое, с изогнутой вверху рамой, – за которым на небе уже виднелась первая звезда, он понял, что пора собираться домой.

Но перед тем как Кай покинул стены церкви, его вновь окликнул Герхард. Весь день Кай ловил на себе его взгляды.

– Ты слышал о метели вчера вечером? – воровато оглядевшись, прямо поинтересовался священнослужитель.

– О метели? – переспросил Кай безмятежно, тогда как на самом деле его сердце опустилось в пятки. – Конечно. Об этом судачит весь город.

– Прошу простить за вопрос, но что ты делал вчера в это время? – Серые глаза Герхарда внимательно смотрели на Кая.

– Рисовал... Как обычно, – пожал тот плечами.

– На улице? Я видел из окна башни, как ты вернулся в город, когда стемнело.

– Да, я был в лесу. Делал наброски, – отозвался Кай, вновь невольно бросая взгляд на лестницу, ведущую на самый верх. – Вы меня в чем-то подозреваете?

Все это время у него в голове повторялся раз за разом лишь один вопрос: что бы он ответил, если бы скрывать ему было нечего? Как бы повел себя, если бы узнал о Ледянице, как все, с чужих слов?

Возможно, он бы разозлился? Да. И его бы раздражало чужое подозрение? Определенно.

Но ирония в том, что ему не позволено было показывать свою ярость. Легкая улыбка скрывала многие его эмоции. Исполняла роль щита. Если бы он выходил из себя каждый раз, когда кто-то оскорблял его чувства и гордость, Хальштатт сломал бы его.

Одиночество пугало Кая. И этот страх пришел за ним из детства.

– Нет-нет. Я лишь беспокоюсь, – поспешил заверить его Герхард. – Ты ведь знаешь, как заведено в нашем городе? Мы стараемся держаться в стороне от всего, что неподвластно законам Божьим. И если замечаем что-то неестественное, то предпочитаем не привлекать к этому внимания. – Голос священника стал совсем тихим, когда он добавил: – Любое столкновение с *ней* грозит лишь бедой.

Кай кивнул его словам, прежде чем спросить:

– Я не понимаю, зачем вы говорите мне все это?

– Думаю, все же понимаешь, Кай. Ты отмечен зимой и поэтому должен быть еще более осторожным. И еще – благодарным. Мой отец пошел на риск, когда позволил престарелой Ребекке оставить тебя.

«Тебе бы не позволили жить среди нас...»

– Ты ведь не знаешь, что до Хэстеинов несколько поколений назад шахтой владела другая семья? – вдруг добавил священник.

– Нет, я об этом не слышал.

– Верно, ведь наши предки предпочитали не вспоминать о том случае. Прежним владельцам не посчастливилось столкнуться с *ней*. Почти вся мужская половина того семейства оказалась убита, и им пришлось продать замок и шахту. Вот что происходит, когда Ледяница сталкивается с жителями города. Случается смерть.

– Это все содержится в записях башни? – вдруг поинтересовался Кай, игнорируя последние слова Герхарда.

– Да, – подтвердил священнослужитель, растерянно моргнув. Кай кивнул, понимая, что нет смысла просить показать те страницы – откажут.

– Я ценю вашу заботу обо мне. Но ваши предостережения... Я не думаю, что они уместны. – Попрощавшись, он стремительно направился прочь, желая скорее выйти на свежий воздух.

А когда выскочил под яркое око луны, лицо обожгло студеным воздухом.

«Не спорь. Будь к людям добрей и в ответ увидишь добро от них», – так говорила Каю бабушка, когда он был мал. И он не мог сказать, что она была не права, скорее, она не предупредила, что его все равно будут подозревать. Этим самым не позволяя позабыть о том, о чем он даже не помнил, – о дне, когда его глаза изменили цвет.

Все детство он был белой вороной среди своих сверстников. И так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось девять лет. В первые месяцы той зимы Кай почти поддался отчаянию, а в неминуемо наступившее лето словно излечился, практически избавившись от этого чувства. Это произошло одним жарким месяцем, в июле. В то время Петтер – мальчик, живший на соседней улице, – в очередной раз решил развлечься. Он со своими друзьями постоянно находил Кая и проверял на прочность, пытаясь вывести его на эмоции. Но в то время гадости о себе Кай выслушивал уже весьма стойко, пропуская их мимо ушей. Тогда обидчики нашли новый способ издеваться над ним – стали оскорблять его мать. Назвали ее падшей женщиной, бросившей своих родителей и уехавшей в другой город, а после поплатившейся за грех смертью. В тот день Кай не выдержал и бросился в драку. И в конце концов его побили, ведь он был один против четверых. Побили не сильно, опасаясь взрослых, но глумливый смех еще долго стоял в ушах Кая. Пусть он сумел

надавать тумачков в ответ, прежде чем его обездвигили, но все равно сути это не меняло.

Именно тогда, сидя прямо на земле через дорогу от своего дома, Кай познакомился с Гердой. Она первая заговорила с ним, выглядывая из-за низкого заборчика, который огораживал крохотный садик, полностью засаженный алыми розами, – уже тогда она ухаживала за цветами самостоятельно. Сказала, что считает все сказанное глупостями и что ее мама думает так же. Кай же не знал, что ответить, и вместо этого невпопад спросил про розу, росток которой протиснулся сквозь щель между досками в заборе. Расцветший на ней нежный бутон был миниатюрным и настолько изысканным, что даже Кай смог преодолеть себя и назвать его красивым, – в то время к нему уже приходили сны, наполненные смертью, белыми мотыльками и нежными цветами. Взгляд Герды загорелся, и она стала рассказывать ему про свой сад, а найдя в нем покорного слушателя, пригласила войти. Вскоре Кай узнал, что каждое растение Герда посадила сама, что она обожает алый цвет и что каждому цветку дает имя. Так и началась их дружба, а девятилетний Кай не мог поверить в происходящее. Герда была первой, кто разговаривал с ним вот так, по-простому, и именно она словно разбила стену отрешенности вокруг Кая.

Тот день Кай помнил отчетливо, он засел в голове. И сейчас почему-то промелькнул в памяти стремительным вихрем снежинок, что, касаясь кожи, колют холодом и быстро

тают.

Тряхнув головой, Кай постарался избавиться от надоедливых мыслей и сосредоточиться на том, что действительно важно. Во-первых, ему необходимо было написать картину, во-вторых – разговорить Деву Льда, затронув события прошлого, и в-третьих – не умереть.

Кай поднял взгляд к небу.

Луна ярко сияла, словно до блеска начищенная серебряная монета. Мелкие снежинки зависли в воздухе, мерцая под ее светом. В руках и ногах Кай чувствовал усталость, но знал, что она непременно отступит, стоит ему вновь взяться за кисть.

Ему хотелось поразить Деву Льда, создать нечто особенное. Но он понимал, что картина, написанная человеком, вряд ли сможет ее восхитить.

По дороге к дому Кай решил сделать крюк и пройти вдоль озера. Застывшее и покрытое слоем свежего снега, оно выглядело умиротворяюще. Кай задумался, взор его тонул в мириадах звезд – те сияли, как драгоценные камни.

– Звезды словно цветы, только на небе... – прошептал он себе под нос, наблюдая, как внезапно пришедшие из-за гор облака упрямо наползают на луну, скрывая ее сияние, серебрявшее снег.

– На вершине гор их видно лучше, – внезапно раздался тягучий и глубокий голос за его плечом.

Кай вздрогнул и инстинктивно едва не вскинул руку, за-

щищаясь. Заметив его реакцию, Дева изогнула рассеченную бровь. Она шла вровень с ним, а когда Кай остановился, успела пройти несколько шагов вперед и теперь обернулась.

– Ночью в горы лучше не ходить, – отозвался Кай, жадно смотря на нее. Открыто появившаяся посреди города, она выглядела лишней в этом месте. Хотя нет, скорее, все остальное казалось чужеродным.

Забывшись, он приблизился к ней в несколько шагов.

– Ты у всех на виду. – Голос Кая звенел.

Но за кого он боялся? За себя? В этом Кай был не уверен. В голове лишь пульсировала мысль о неправильности происходящего.

– Я знаю, Кай. – С мрачной улыбкой она подняла руку, касаясь пальчиками его скул. Холод, опаливший кожу, отрезвил. Блестящие льдистые глаза смотрели прямо на него. Они словно поглощали его сознание целиком.

Кай попятился, чувствуя, как один лишь ее взор дурманит разум. Сердце учащенно забилось, а его неуверенность вернулась.

– Не волнуйся. – Она взметнула ладонь, ее изящный белый палец показывал на небо. – Луна за облаками. Никто меня не видит.

– Видно только при луне? – едва шевеля пересохшими губами, спросил он.

– При лунном свете и на закате, – скучающе поделилась Дева, закатывая глаза. – Ну и при сильном снеге. Все же я не

бесплотная. Снежинки облепляют.

– А еще следы на снегу, – заметил Кай, склонив голову и понемногу приходя в себя. Но едва успел он договорить, как перед его глазами тело Ледяницы захватила резкая и короткая вспышка света. От неожиданности Кай отшатнулся.

Перед ним стояла все та же Дева, но в этот раз и правда целиком и полностью высеченная из льда. Одежда обратилась тонким слоем белого снега, покрывающим ее ледяную кожу. Кая достигла волна холода, что сковала горло и заморозила дыхание.

В этот миг он услышал хруст снега – мимо проходил мужчина.

– Только в человеческой форме, – сказала Дева Льда, и прохожий дернулся от звука ее голоса. Мужчина заозирался – это был один из тех, кто приходил в лавку господина Хакона сегодня днем.

– Ты что-то сказал? – спросил он.

– Нет, – покачал головой Кай, понимая, что замер посреди дороги без видимой причины, и медленно побрел вдоль берега озера.

Мужчина, видимо решив, что ему показалось, тоже направился по своим делам.

– Он тебя слышал, – произнес Кай с укором. К этому моменту он уже почти свыкся с присутствием Ледяной Девы, украдкой рассматривая линии, сплетающиеся на ее руке. Они, словно рукав одежды, покрывали кожу от запястья до

плеча.

– Естественно, люди ведь не глухие.

– Мы и не слепые, но почему-то без лунного сияния остальные тебя не видят.

– Это иное.

Кай прибавил шаг, и Ледяница осталась позади. Здесь, вблизи, почти не используя свою силу, она выглядела слишком юной. Если бы не глаза – холодные, острые, глубокие, – Кай мог бы забыть, с кем имеет дело.

За его спиной сверкнуло. На мгновение тень Кая, лежащая на дороге перед ним, вытянулась на несколько десятков футов.

Он задумался: *«Неужели и этот свет тоже видим остальным?»*

– Ты слишком беспечна. Неудивительно, что в городе о тебе знают. – Неприкрытое осуждение прозвучало в его голосе.

– А я не думала, что у меня появилась нянька. Быстро меняешь роли, – с насмешкой заметила она.

– Может, ты меня вынуждаешь ею стать? – сказал он, удивляясь своей дерзости и откровенности. Его поражали собственные речи, но, несмотря на колкие слова, ему было комфортно. Кай чувствовал себя в своей тарелке.

– Совсем меня не боишься... – Дева оказалась прямо перед ним так внезапно, что Кай застыл, задержав дыхание. Уголок ее губ приподнялся, глаза блестели. Холодное дыха-

ние, вырывающееся из ее рта, задевало его скулы. – Готова ли картина?

– Нет, еще слишком рано, – нахмурился он, выдерживая ее взгляд. Вся она была соткана из противоречий – нечеловеческая красота, надменная и смертельная, но неминуемо манящая к себе. Как оружие с драгоценными камнями и перламутром, что не утратило свою способность убивать.

– Рано? Сколько тебе понадобится времени? – Белые брови Девы сошлись на переносице.

– Мне надо пару месяцев, чтобы создать что-то стоящее.

– Нет, столько у тебя нет... – тихо изрекла она, на ее лице не осталось места для улыбки.

Кай шумно выдохнул, вновь пятясь от нее и едва различая свои ноги в сгустившейся тьме.

– Отчего же? Все еще собираешься меня убить? – спросил он, как и в былые разы, не ощутив тревоги, когда ответом ему стала тишина.

Не глядя на Деву, он обошел ее. Взгляд зацепился за ледяные туфли, которые покрывали мертвые цветы с острыми, словно лезвия, лепестками, и белые ленты, оплетающие щиколотки. Она не проваливалась в снег, словно парила над ним, оставляя лишь едва заметные следы.

– Сколько времени тебе необходимо, чтобы уйти без сожалений? – раздался позади голос с глубокими бархатистыми нотками.

– Может быть, год? Да, года было бы достаточно, – решил

он, останавливаясь и убирая руки в карманы.

– Нет, это слишком долго, – категорично отозвалась Ледяница.

– Почему? – На губах Кая появилась неуместная улыбка. – Разве ты не великая и всевластная королева снегов и льда?

Дева Льда сощурилась, смотря на него.

– Пустая бравада. – Ее глаза сверкнули, ладонь легла на его плечо, и даже сквозь одежду Кай почувствовал сковывающий холод. Она улыбалась, шепча ему: – Я убью тебя, Кай. Внутри тебя то, что принадлежит мне.

– Так заberi, – сказал он совершенно искренне.

– Пока ты жив, не могу.

– Тогда дай год. Мне нужен год, чтобы оставить хоть что-то после себя. Всего год. Позволь не остаться ничем. И тогда я смирюсь со смертью, – замороженно шептал Кай, сам шагнув навстречу ей. Встав так близко, что уже во взгляде Девы Льда мелькнуло что-то странное, и она отступила, когда он произнес: – От твоей руки смерть даже покажется мне благородной.

Его голубые глаза блестели. А Дева Льда молчала. Она застыла, словно обратилась в ледяную скульптуру. Только складка между бровей выдавала в ней жизнь.

«Откуда это у такой, как она?» – в который раз спросил себя Кай, рассматривая короткий шрам, пересекающий край левой брови. Единственный изъян на идеальной коже. У него должна быть история.

Кто-то окликнул Кая по имени – это Йон нес на плече тушку лисы. Видимо, вновь ходил на охоту в Малервег.

– Я подумую, – донеслось до Кая тихо.

Он не обернулся, не отвел взора от друга, но уголок его губ дернулся.

«*Все прямо как тогда*», – промелькнула мысль, прежде чем он сделал первый шаг навстречу Йону.

– Ты над фреской... – заговорил Йон, приблизившись, и тут же оборвал сам себя: – Ого, как у тебя ресницы заледенели. На улице же не так холодно.

Кай поднял руку, касаясь глаз, а когда отвел ее, на пальцах его быстро таяли мелкие снежинки.

Карман. Измерение Зеркала разума Йенни

Лилово-голубой небосвод распростерся над созданным измерением. Казалось, время здесь застыло. В человеческом мире кипела жизнь, а в пределах Кармана она угасала. Существа, лишённые силы, не могли долго здесь продержаться. Ведь все это измерение было соткано благодаря магии, и, чтобы здесь находиться, необходимо было являться его частью.

Йенни прикрыла глаза, шумно выдыхая. Она могла бы обойтись без дыхания и в своей ледяной форме так и поступала, но смертному телу требовался воздух, чтобы оно продолжало жить и чувствовать. Чтобы сердце, пусть и редко, продолжало биться. Именно ее существование в этой форме отличало Йенни от бездушных ледников на вершине гор.

Дева зацокала языком и заложила руки за голову, устроившись поудобнее на лиловом лугу, припорошенном снегом. Не прошло и минуты, как она поджала губы и перевернулась на бок.

– Хватит маяться. – Соманн оторвал взгляд от пазла – он вновь собирал осколки. С последней их встречи летом прошло больше четырех месяцев. И в прошлый раз после собранной головоломки Йенни пришлось немало помучиться с одним из отпрысков славянских божков, с которым Соманн

имел несчастье поспорить.

– Почему... я... не хочу... его убивать?

Сеятель косо взглянул на нее.

– Ну, он неплохие картины рисует, – заметил он. – Не выдающиеся, но неплохие. Проживи он дольше... – Соманн опустил голову, передвигая одну из льдинок.

– Лучше избавиться от проблемы сразу. Вырвать с корнем. Когда я смотрю на него, то сразу вижу Осколок. Раньше мне надо было приглядеться.

– Полагаю, здесь дело в тебе.

– Почему?

– Сообразительности тебе порой не хватает, Йенни. Прямая, как ель, – укорил Сеятель ее. – Если я правильно понимаю, у него в сердце Осколок Зеркала разума. Этот Карман, и в особенности ты сама, связаны с силой твоего озера. Мальчик вырос с этой силой в сердце. Неудивительно, что вы резонируете. Ты воспринимаешь его творения, возможно, куда острее. Может быть, вы даже смотрите на мир одинаково.

– Он человек... – бросила она, словно вынося приговор.

– И что?

– Это невозможно.

Соманн лишь усмехнулся.

– Хочешь сказать, я оставила его в живых, потому что он похож на меня?

– Не то чтобы похож, я лишь предполагаю, что между вами есть что-то общее, – уклончиво отозвался божок.

Дева смерила его хмурым взглядом.

– Ой, еще один подошел! – воскликнул Соманн, радостно захлопав. По его золотым доспехам перламутровыми переливами прошла быстрая волна света, что мимолетно коснулась лица Йенни. – Ты ведь можешь следить за человеком. Летом Осколок спит, а зимой пока незаметен. Если поймешь, что времени не осталось, тогда и убьешь его.

– Ты предлагаешь мне проводить дни с человеком? – Дева фыркнула.

Отвернувшись, Йенни вновь обратила взор к безоблачному застывшему небу и продолжила обдумывать ситуацию. Сила Осколка в сердце Кая неминуемо прорвется наружу – она чувствовала это. И за этой силой придут. Первыми ощутят его могущество мелкие зимние альвы, находящиеся поблизости. Инстинкт приведет их к человеку. Осколок Зеркала разума – одна из немногих вещей на свете, что позволяет пройти перерождение, обрести разумную форму.

И как бы сильна Йенни ни была, против всех ей не выстоять.

Она охраняла силу озера уже много веков, ведь именно для этого Ледяная Дева появилась. Его мощь не могла принадлежать всем, иначе начался бы хаос. Мир людей и так извечно раскачивался, словно маятник, порою оказываясь на краю гибели.

При мысли о сражении на лице Девы появилась кривоватая предвкушающая улыбка. А вокруг по лиловому полю,

словно цветы в мире людей, стали расти ледяные сталагмиты, устремляя свои острия к небу.

Соманну пришлось уворачиваться, чтобы отыскать себе кусочек свободного пространства. Вреда бы они ему не нанесли – все же о легендарных золотых доспехах Сеятеля не зря ходило множество историй, – но неудобств бы доставили.

– Все же я убью его. Но, возможно... в твоих словах есть доля истины, – протянула Йенни, вспоминая встречу с Каем в тот зимний день, восемь лет назад. Мальчик был добр, а она давно не видела добра от людей. – Я не хочу быть к нему жестокой. Не хочу, чтобы он страдал.

Соманн несколько секунд смотрел на нее стеклянным взором, уносясь далеко в свои мысли, прежде чем предложить:

– Так создай из него ледяную скульптуру. У тебя тут пусто, не находишь? – оглядел он окружающие просторы. – По левую сторону – лес, по правую – гора, в центре – поле.

– Нет, Осколок мне не позволит, – пропуская мимо ушей вторую часть его рассуждений, сразу же отвергла предложение Йенни.

Вдруг сталагмиты прекратили свой рост.

– Я знаю, как поступить! – Дева стремительно поднялась, застав тот момент, когда Соманн все же застрял между сосулк: лед скрипел, а доспехи разбрасывали во все стороны золотые искры. Йенни на миг прикрыла глаза, и сталагмиты беззвучно рассеялись, лишь, серебрясь, зависли в воздухе миллионы мельчайших частичек снега.

План оказался совершенно прост – убить Кая во сне. Сеятель был способен погрузить человека в настолько глубокое сновидение, что даже боль раненой плоти не заставит того проснуться. Йенни не будет видеть глаз Кая, а Соманн сделает последние секунды его жизни прекрасными. Разве не все люди мечтают об исполнении своих желаний? В мире грез было возможно все.

– Идем, – позвала Йенни, не терпя возражений. В ее голосе зазвучали низкие угрожающие нотки. Вспыхнув, ее тело поменяло форму, обратившись льдом. Она поторопила Сеятеля, уничтожая льдинки на ледяной плите так же, как сталагмиты – обратив их в едва различимые в воздухе частички.

– Никакого терпения, – недовольно заворчал божок. – Почему нельзя подождать до завтра?

– Я ненавижу ждать, – медленно процедила она. Но Соманн и так прекрасно это знал. За века в ожидании зимы многие познали бы смирение, но с Йенни получилось наоборот – она стала опасна. Слишком быстро выходила из себя, и нередко случалось, что в гневе она сначала делала, а после думала. По опыту Сеятеля, у людей тоже так бывало, но они не обладали той силой, что несла в себе Ледяная Дева.

– Кстати, а как же тот камень, который попал в твое измерение из реального мира? Ты поняла как?

– Даже если бы поняла, то тебе бы не сказала, – отозвалась Йенни. В ее руке выросла ледяная игла, а через мгновение лед начал осыпаться, пока не приобрел форму острого

кинжала – прозрачного, словно созданного из стекла, пере­ливающегося лиловым и желтым, основными оттенками из­мерения. Дева перевернула оружие острием вниз, держа ру­коять кончиками пальцев. Спустя минуту отпустила, лезвие упало, войдя в землю, и, рассыпавшись искрами, раствори­лось в ней.

И когда это случилось, темно-фиолетовая почва разверз­лась, а из ее недр на поверхность поднялся широкий коло­дец, сложенный из древнего, покрытого тонким слоем мо­розных узоров камня.

Внутри колодца чернела бездна, словно он и вовсе не имел дна. Хотя так это и было.

Ведь когда оба – сначала Соманн под следящим взором Йенни, а после и она сама – прыгнули в его жерло, послед­ним звуком, проникшим в измерение, стал обрывок фразы, сказанной предвкушающим тоном:

– Какое же насрать сновидение? Юноши в его возрасте часто имеют определенные жела...

Голос оборвался, и вокруг воцарилась мертвая тишина, в следующую секунду нарушившаяся хлопаньем крыльев бе­лого кречета с ледяными перьями, вспорхнувшего с высоко­го, устремленного к лиловому небу дерева, и колодцем, ко­торый с чавкающим звуком вновь ушел под землю.

Кай полночи провел за работой в комнате, практически превращенной в мастерскую. Камин словно делил помещение пополам – на место, где Кай спал, и на пространство у окна, где писал картины. Когда солнце садилось за горизонт, источником света ему служили керосиновая лампа и огонь камина, который пару раз за вечер едва не потух, потому что Кай о нем забывал.

Рука кружила над полотном, ложились мазки. Он создавал краски, мешая драгоценные пигменты с маслом. И вскоре под его рукой стали проступать первые очертания будущей картины, над которой предстояло еще много работы.

Задумка была до безобразия простой – Хальштатт. Именно город будет на полотне. Но главная особенность заключалась в угле обзора – словно человек смотрел в небо на берегу тихого озера. Поэтому почти весь холст захватывало небо с молодой луной, и лишь края полотна, словно клыки в пасти волка, прорезали горы и особняк на другом берегу, теряющийся в тени ночи.

Кай собирался создать парные картины – одну с зимним небом, другую с летним. Ведь в разное время года и звезды на небе иные, созвездия сменяли друг друга, как жара и стужа.

Временами выглядывая в окно, он наносил мазок за маз-

ком до поздней ночи. А когда прилег, без сил, так и не раздевшись, в сорочке и темных брюках, но босой, то сон поглотил его, словно Кай опустился в ледяную воду, после соприкосновения с которой так и не смог проснуться. Нынешнее сновидение начиналось иначе, чем другие, – он лежал на снегу. Белая ткань его рубашки сливалась с окружающим снежным миром.

Но стоило Каю приподняться, как он заметил, что в нескольких метрах от него сквозь снег пробивались изящные золотые цветы. Их нераскрывшиеся, но имеющие слегка заостренные, как наконечники стрел, бутоны набухли, налились жизнью, будто готовые вот-вот распуститься. Цветы росли рядами, а между ними бродил человек в золотых доспехах, на которых были выгравированы точно такие же цветы. На шее незнакомца висела открытая сумка, от которой исходило яркое сияние, будто там лежало маленькое солнце.

Мужчина неспешно шел по полю между цветами и, опуская в сумку руку, рассыпал золотую пыльцу. Касаясь растений, она заставляла их вспыхивать и сиять еще ярче. Он словно кормил рыб в водоеме.

– Что вы делаете? – спросил Кай, шагая ему навстречу.

– Не приближайся, стой на месте. – Незнакомец выставил ладонь вперед, даже не поднимая взора.

– Почему?

– Осколок Зеркала разума в твоём сердце...

– Осколок чего?

– Йенни не говорила? Хотя она учтивостью не отличается, верно? – Он улыбнулся, словно смеясь над прекрасной шуткой, и вновь рассыпал золотую пыльцу. Кай заметил, что распустившиеся цветы вмиг исчезали и на их месте начинали расти уже другие.

– Кто такая Йенни? – Кай смотрел на незнакомца, прекрасно ощущая течение сна. Но в то же время все здесь словно тянулось к нему. Будто он был центром этого мира.

– Видимо, ты совсем запутался, – развеселился мужчина.

– Вы не пытаетесь внести ясность.

– Верно. – Он продолжил посыпать цветы пыльцой. – Дело в том, что изначально я не планировал, что ты окажешься здесь.

Встряхнув руками, он поднял голову и широко улыбнулся. Глаза, залитые золотом, сверкнули. Они были настолько яркими и выразительными, что делали его похожим на безумца. Словно его постоянно обуревали сильные эмоции, придающие радужкам маниакальный блеск.

– Я растил твой цветок, но он не расцвел... – быстро проговорил он, захваченный своим же рассказом. – Прежде чем он расцвел, его задушили! Его задушила роза! – Он показал на белые лепестки, которые терялись среди золотого великолепия, но стоило Каю ее заметить, как она стала для него ярче всех бутонов. – Убери ее, она портит мой цветник. Сны вокруг нее блекнут.

– Почему вы сами ее не вырвете? – спросил Кай. Бутон

одной из тех роз, что росли в его снах, словно живой, тянулся головкой к нему, будто прося прикоснуться.

– Вырвал бы, если бы мог.

Цветок затрепетал, лепестки дрожали под его взором, вот-вот готовые распусться. Кай отвел взгляд.

– Кто вы?

– Сеятель.

Кай нахмурился, вспоминая, где он слышал это имя.

– Тот, кто насылает сны? – наугад предположил он, припомнив сказки.

– Верно-верно. Великий Сеятель, посылающий сны, – пришел в восторг мужчина.

– И за мои сны тоже вы отвечаете? – спросил Кай, сам не заметив, как ладонь сжимается в кулак.

Хруст костяшек заставил Сеятеля дернуться и замереть, скосив взгляд на Кая. По миру, поделенному пополам серебром снега и золотом цветов, пронесся порыв ветра.

– Нет, сюжет твоих снов не моя заслуга. Увы. Я ведь даже желал дать тебе крупицу счастья перед смертью. Но видишь, что вышло? – посетовало божество, взглянув на бутон розы. – Этот цветок словно выпивает сны других людей. Они становятся блеклыми и нестабильными. Это вредно. Сны влияют на сознание. – Сеятель покачал головой, опускаясь на корточки, его доспехи звонко звякнули. – А он еще и вот-вот распусться.

Бутон уже трепетал, готовый в любую секунду выпустить

наружу мотылька, – так всегда происходило в снах Кая, цветы вырастали и распускались, лишь чтобы породить тех белых тварей.

На Сеятеля легла тень – Кай все же шагнул в золотой сад и безжалостно вырвал с корнем розу. Ее лепестки вяли прямо на глазах, опадали, обращались снегом и уже серебром посыпали поле, дарующее сны. По пальцам Кая стекала алая кровь.

– Я вам помог. А теперь не могли бы вы помочь мне? Расскажите про Осколок в сердце и... Йенни. Я ведь правильно вспомнил это имя? – сказал Кай, смотря на мужчину.

– Осколок Зеркала... Ты бы видел, как он только что сверкнул, – замороженно проговорил Сеятель, распахивая шире глаза. Блеск глаз усилился, делая его похожим на безумца. В воздухе разлился пьянящий аромат меда. – Ты ведь чуткий и мягкий по своей натуре, верно?

Кай ничего ответить не успел, когда он продолжил:

– Но Осколок обнажает другую сторону характера. И ты всю жизнь борешься с этой стороной. От этого чувствуешь, будто тебя разрывает на части. От этого боишься быть изгнанным! Перед тобой обнажены все стороны людской природы, но ты делаешь вид, что ничего не замечаешь. Как завораживающе и увлекательно! Ты даже не представляешь насколько! Мне так интересно, какую сторону ты все же выберешь. Или вовсе задохнешься в противоречиях? Возможно, есть малая вероятность, совершенно невозможная... Но ес-

ли она все же лишит тебя жизни, мы никогда не узнаем. – Сеятель застыл. Он молчал несколько секунд, а после, решившись, сказал: – Ты просил год? Проси вновь! – Откуда-то он знал все. – И заставь дать клятву. Клятва тебя спасет. Клятва! Не забудь, Кай! Клятва!

Сеятель вдруг схватил его за плечи и притянул к себе, и в следующую секунду Кая обжег поцелуй его медовых губ.

5

Кай резко распахнул глаза, отчетливо слыша бешеный стук своего сердца. Он подскочил, собираясь сесть, но столкнулся с чем-то твердым и холодным, едва вновь не упав на подушку. Он был не один в ночной темноте.

– Дрянь! – раздалось у его лица. Чужие льдистые глаза сверкали во тьме, словно у кошки. От неожиданности Леядница обхватила его за плечи и теперь будто обнимала, сидя на краю его кровати. Кай ощущал спиной, что в ее руке лежит что-то твердое и холодное. – Ты почему проснулся?

– Кошмар приснился? – прошептал Кай со странной вопросительной интонацией, все еще тяжело дыша. По телу юноши пробежали мурашки, когда то, что держала за спиной Дева, коснулось его спины и, вспоров ткань сорочки, пронзило кожу холодом.

– Кошмар? – повторила она за ним с недоумением. – Вот же...

– Почему ты в моем доме? – задал он вопрос, заставивший ее замолчать. – Для чего пришла?

В комнате похолодало. Температура понизилась настолько, что Кай видел, как его дыхание обращается паром.

– Мне надо было подумать. – Отпустив его плечи, Дева поднялась, и когда Кай опустил взгляд на ее руки, в них уже ничего не было. Лишь линии, рисующие морды волков, све-

тились на ее алебастровой коже и серебристая пыльца шлейфом слетала с тонких пальцев, которые мгновение назад держали клинок.

– Для этого понадобился мой дом? – Взгляд Кая скользнул к окну – ручка на створке покрылась толстой коркой льда. Дева прошла к креслу неподалеку от стоящего на мольберте холста, села, закинув ногу на ногу, и, выпрямив спину, ответила:

– Мне редко приходится так много думать. И... Я решила, что смогу покончить со своими сомнениями здесь. – Ее нога раздраженно дергалась в такт словам.

– Забавный способ, – едко заметил Кай. Естественно, не было ничего забавного в том, что пару минут назад его собирались убить.

Он поднялся, проводя рукой по волосам и убирая их назад. На носочках направился к камину, ощущая голой кожей холод ледяного пола. Дева внимательно следила за каждым его движением, а после сосредоточилась на белых ступнях, отчетливо видневшихся на темном деревянном полу.

– Что именно тебе снилось? – с подозрением проговорила она.

– То, чего я не ожидал увидеть, – отозвался Кай, вороша кочергой потухшие, едва сохранившие тепло угли. Оторвав взор от камина, он посмотрел на Йенни. – Меня поцеловали.

Прямо на его глазах подлокотник кресла покрывался льдом.

– Понравилось? – изгибая бровь, бесцветно спросила она. Кай тихо рассмеялся. Эта ночь норовила лишить его рас-судка.

– Ну как сказать... Это было весьма неожиданно, – абсо-лютно искренне признался он и, укладывая дрова на расчи-щенное от золы место, мрачно продолжил: – Почти так же, как Дева, сидящая на краю моей кровати с кинжалом в руке.

Если бы молчание могло убивать, Кай был бы уже мертв.

– Почему же у могущественной Девы Льда рассечена бровь? – внезапно поинтересовался он. Кай мог бы задать вопросы и поважнее – о себе и событиях шестнадцатилетней давности, – но его заинтересовали призраки прошлого Ле-дяницы, которая пришла к нему этой ночью.

Она скупно усмехнулась, склонила голову, нащупывая тон-кими пальцами свой шрам.

– Люди оставили, – выплюнула Йенни. – Об обстоятель-ствах не спрашивай. Все равно не расскажу.

– Ты за это нас ненавидишь? – вновь спросил Кай, выби-вая искры огнем.

– Людей я не ненавижу. Мне все равно, что с ними про-исходит, пока их дела не касаются моих.

– Хм, а говорят, ты многих убила.

– Боишься?

– А мне стоит?

– Определенно, – прозвучало едва ли не шепотом.

– Тогда боюсь, – покорно согласился Кай. Присутствие Де-

вы Льда напрочь выстудило помещение. – Скажи, такие, как ты, чувствуют хоть что-то? – поинтересовался он.

– Конечно. Я не бездушный кусок льда.

Кай кивнул, принимая к сведению. Но ответ вызвал улыбку.

– Знаешь, а ведь когда-то я думал о смерти. Мне только исполнилось девять, когда я пошел в лес, собираясь больше не вернуться, – поделился он, подкладывая дрова в пока еще несмело трепетавший огонь. – Мой поступок был малодушным и эгоистичным, но в тот момент я думал, что не выдержу. Либо сам убьюсь, либо кого-то лишу жизни.

Кай говорил таким спокойным тоном, словно разговаривал о погоде. Ему самому была странна его откровенность. Даже с самим собой он таким искренним не был.

– Это не похоже на те мысли, которые должны приходить в голову ребенку, – заметила Дева Льда, вдруг проявив чуткость. Она недвижимо сидела в кресле, застыв, словно статуя.

– Да. Согласен. И я никогда об этом никому не рассказывал. – Кай вновь улыбнулся. – И никто никогда не подумает, что у меня могли возникнуть мысли о смерти. Это ведь ненормально.

– У каждого свои понятия ненормальности. Все весьма субъективно. Одному солнце в радость, а другому находиться под ним невыносимо, – невозмутимо отозвалась Йенни, подпирая ладонью подбородок и не мигая смотря на Кая.

На ее пальце заблестело изящное кольцо – верхушка в форме дамской шляпки состояла из множества мелких деталей, тонкие элементы металла изгибались, рисуя узоры.

– Верно, – согласился Кай с ней. – Но в девять лет я был то ли слишком смел, то ли несмышлен, раз так легко готов был расстаться с жизнью... А ныне боюсь бесследно исчезнуть, так ничего не оставив после себя.

Он опустил взор, задумчиво посмотрев на свои пальцы – длинные, с выступающими костяшками.

– Что ты пишешь? – спустя несколько секунд молчания прорезал тишину ее вопрос. Ледяница смотрела на холст, на котором уже виднелся слой краски.

– Звезды, – обернувшись, выдохнул Кай, и из его рта вырвалось облачко пара, несмотря на близость огня, который согревал жаром заледеневшие руки.

– Для меня?

– Да. – Отвернувшись, он распрямылся, смотря на осмелевшее пламя.

Дева вдруг рассмеялась, и ее завораживающий бархатистый смех словно отразился от стен.

– Думаешь, звезды способны меня удивить? – Ее голос приобрел циничные нотки.

– Не стоит сравнивать реальность и картины, – отозвался Кай, чувствуя движение за спиной. Ее ледяная ладонь с изящными пальчиками коснулась его спины, он явственно ощутил это прикосновение даже через ткань.

Кожу обожгло и закололо. Кай тяжело втянул воздух, поджимая губы, но больше ничем не выдал свою слабость. Даже не попытался отстраниться. Он знал, что если отступит и покорится хоть раз, то наскучит ей и она его точно убьет.

– Дашь мне год, и я смогу тебя убедить в этом. Никто ведь больше не сможет этого сделать. Только я. И все благодаря Осколку в сердце...

Его слова заставили Деву попятиться, всего на шаг, но это уже была маленькая победа.

Кай вдохнул, почувствовав, как вновь закололо в груди. Он привык к этому чувству, ведь оно было с ним с самого детства. Эта тихая боль отрезвляла, казалось, он начинал видеть верные решения.

– Дай мне клятву, что ты не отнимешь мою жизнь до конца следующей зимы, – продолжил Кай, оборачиваясь. Их взоры встретились – ее радужки слабо светились в полумраке. По сравнению с Девой Льда Кай был хрупок и слаб, но все же чаша весов будто бы склонялась в его сторону. – Но, если мне будет грозить смерть не по твоей воле, можешь первой отнять мою жизнь, – добавил он, понимая, что последнее условие неожиданно угодило точно в цель.

Покрытые мелкими снежинками едва розовеющие губы изогнулись.

– Пусть будет по-твоему, Кай. Я сегодня благодушна... Но я желаю раньше всех увидеть полотна, которые ты создашь.

– Хорошо, – сказал юноша.

От нахлынувшего облегчения у него перехватило дыхание. И, прежде чем Кай сумел сделать новый вдох, невесомая рука Девы коснулась его лица, крепко сжимая скулы, притягивая к себе. И в следующую секунду она властно припала к губам Кая. И время словно остановилось, казалось, даже его сердце перестало стучать, когда ее губы прикоснулись к его.

Обжигающий лед, обратившийся пламенем. Короткое соприкосновение, словно открытая рана в груди.

– Пусть они станут самым прекрасным творением в твоей жизни, – почти ласково шепчет Дева напутствие, отстраняясь. А по его горлу стекает холод, касается ключиц, а после движется к сердцу, окружая его и сковывая. Оно вдруг перестает биться, и Кай пошатывается, опускается на колени, не в силах сделать вдоха. А после все же опадает на пол у ее ног.

Подтягивает к груди колени, ощущая, как сердце начинает биться вновь – медленно, слабо, с каждым разом ударяя чуть сильнее. Она склоняется, и ее бледные пальцы касаются его черных как смоль волос, убирая их с лица и заправляя за ухо.

– Скоро пройдет. Больно лишь в первый раз... – слышит он восторженный шепот, прежде чем потерять сознание на холодном полу.

* * *

Кай очнулся на полу. Сначала услышал слабый треск дерева, а приоткрыв глаза, увидел, что уже наступил день, за-

ливающий комнату холодным светом.

В горле пересохло, а тело затекло. Слабая ноющая боль расплзалась по груди. Сглотнув, он шевельнулся, ощущая, как с неохотой поддаются затекшие конечности. Глубоко вдохнув, Кай наконец поднялся, с трудом вставая на колени. В голове шумело, фрагмент за фрагментом он воскрешал в памяти события прошедшей ночи.

В первую очередь ему в глаза бросился камин – огонь в нем почти потух. Но, судя по тому, как долго продержалось пламя, кто-то подбросил угля. Покачав головой, Кай через силу поднялся на ноги, заново осмотрел комнату и заметил воду на деревянном подоконнике. Ему вспомнилось, как еще ночью раму покрывал толстый слой льда.

Клятва дана... Он справился... И это было слишком просто. Ему даже не пришлось уговаривать Деву Льда.

Осознание случившегося пронеслось в его голове.

Но в самом деле ли просто? Губы до сих пор покалывало, горло словно сковывал лед, а сердце...

Он подошел к зеркалу-псише, развязывая ворот сорочки и приспуская ткань на плече. Задержал дыхание, нервно глядя на свое отражение. Начиная от ключицы, вниз тянулись серебристые линии, точно как те, что сама Ледяница носила на правой руке.

Прямо на его груди, над сердцем, кривыми ветвями и корнями мерцало дерево. В нем словно теплилась жизнь, как в настоящем растении. С осторожностью Кай дотронулся до

одной из линий – подушечку пальца обдало холодом, и линия блеснула, будто реагируя на прикосновение. Ладонь заскользила чуть ниже, обводя контур рисунка.

Этот след на груди и был свидетельством договора между ним и Девой Льда? Доказательством соглашения, по которому Кай проживет еще год. Но насколько оно в самом деле способно защитить?

Кай оторвал взор от собственной кожи и отпустил ворот сорочки, но его взгляд невольно мазнул по лицу, сосредоточившись на губах. За прошедшую ночь его поцеловали дважды. Один раз мужчина и во сне. Второй – Дева Льда в реальности.

И какой поцелуй принес больше боли, даже гадать не стоило, а вот какой был лучше, он не признавался даже самому себе – лишь от одной мысли об этом болела голова. В последние дни странности происходили вокруг него и в нем самом. Кай менялся.

Он снова растопил камин, благо угли все еще были горячими и пламя поднялось быстро. Бродя по комнате, умываясь и меняя одежду, Кай пытался вычистить из памяти все мысли о прошедшей ночи. Но они, как стая разгневанных пчел, кружили в голове. Да и как он мог позабыть о своей смерти? До этого дня ему казалось, что он хотя бы достойно примет свою гибель, и вот срок, отведенный ему, стал больше, но спокойствия – гораздо меньше. Его чувства, словно холст, покрывались темными красками.

Ему требовалось время, чтобы осмыслить и прожить.

Так и не добившись успеха в усмирении мыслей, Кай вернулся к тому, что умел делать лучше всего, – к написанию картины.

Но спустя полчаса в дверь его комнаты постучала Герда – он узнал ее по ритму ударов. Герда всегда стучалась нетерпеливо, словно за ней гнались хищники. В этом была вся ее натура.

Пока Кай вытирал ладони о кусочек ткани, прежде чем открыть дверь, быстрый стук повторился вновь.

– Почему так долго? – на ходу бросила Герда, пролетая мимо него, стягивая красные вязаные рукавицы и снимая с головы расшитый розами платок – рыжие волосы, заплетенные в небрежную косу, слегка растрепались. Ее бежевое пальто, припорошенное снегом, немного намокло у подола. Герда прошла в комнату, оставляя мокрые следы, и склонилась над камином, протянув к нему замерзшие ладони.

– Давно не спишь? – спросила она, окидывая красноречивым взглядом все еще смятое одеяло на кровати.

– Недавно проснулся.

– Снова полночи сидел? – почти угадала Герда.

– Да, – кивнул Кай.

А она, смотря на заалевшие на все еще блестящих антрацитовых гранях угли, вдруг произнесла:

– Твоя одержимость картинами когда-нибудь тебя погубит.

В этот момент Кай, неловко сделав шаг в сторону, задел стул, который едва не рухнул, закачавшись на ножках.

Герда удивленно обернулась. Мгновенно переключив внимание на полотно, она, вскочив, направилась к нему, со всем позабыв о своих последних словах.

– Это новая работа?

Кай, все еще придерживая спинку стула, видел, как изменилось ее лицо, когда она увидела лишь начавший проявляться на холсте пейзаж.

– Хм... Должно получиться красиво, – задумчиво протянула Герда, ненароком заметив: – Тебе всегда удавались зимние и темные полотна.

Кривая улыбка на мгновение скользнула по лицу Кая и в ту же секунду растворилась без следа.

– Спасибо. Думаю, это важно – знать свои сильные стороны, – медленно проговорил он.

Герда всегда угадывала картины, которые он сумеет продать. Если ей нравилось его творение, то Кай обязательно находил для него покупателя. Вот только не в случае этого полотна. Оно создавалось не для продажи.

– Тебе его заказали?

– Скорее нет, чем да. Пишу для себя, – отозвался он, очищая кисть от краски.

– Для себя? – недоуменно переспросила Герда. – Ты давно не создавал ничего для себя.

– Сейчас обстоятельства иные, – опустил он взгляд, со-

средоточив его на своих руках. – Если выйдет, хочу, чтобы оно попало на выставку. Пусть его увидит как можно больше лю...

– Ты что-то пролил на кресло? – раздался озадаченный голос Герды. Она села в то самое кресло, куда этой ночью опускалась Ледяница, и теперь придирчиво щупала подлокотник, что «совершенно случайно» заморозила Дева.

Кай приподнял бровь.

– Снег попал, – выдал он бессмыслицу. В голове все еще царил туман. Кай будто смотрел на все со стороны. Но Герда, вновь удивленно взглянув на него, больше ничего не спросила, продолжив как ни в чем не бывало:

– Трин мне сказала, что через несколько дней на озере лед собираются чистить. Можно будет выйти покататься на коньках вечером. Предупреждаю заранее. – Герда вытянула руку, грозя Каю указательным пальцем. – Поэтому найди время. – Она поднялась на ноги и, подойдя к нему, положила руку на плечо. – Всего пару часов. Ты сможешь прожить пару часов без красок, Кай, я верю в тебя.

По сравнению с ним Герда казалась миниатюрной, хотя на самом деле это было не так, просто Кай был слишком высоким.

Он медлил с ответом.

– Ладно, – все еще колеблясь, все же согласился он.

– Не обмани. – Герда мимолетно улыбнулась и направилась к выходу. – Обманешь меня, и я прокляну твою душу,

Кай Ларс! – пригрозила она напоследок, обернувшись, и рас- смеялась, увидев в этом прекрасную шутку.

Но, когда дверь за ее спиной захлопнулась, в мыслях Кая будто эхом прозвучала ее последняя фраза: «... прокляну твою душу...»

А была ли у него вовсе душа? Может, и терять ему было нечего.

6

Минуло два дня с момента соглашения Кая и Девы Льда, а для него будто прошло всего мгновение. Это время он провел в забытьи, погружившись в работу. Подавляя свои мысли и чувства, Кай ощущал, как окончательно истончается его спокойствие. Если раньше он считал, что горечь, поселившаяся в его душе, растворится сама собой, то теперь Кая снедала нарастающая ярость. Он стал раздражительным. Его злили любые мелочи, но в особенности люди.

Новый день начался, как и предыдущие, с помощи в булочной и чистки снега возле ее входа, который намело во время снегопада ночью. В последнее время снежных дней становилось все больше. Многие жители считали, что это дело рук Девы Льда.

Дорогу же из города уже занесло так, что лишь отчаянный глупец решился бы на путешествие из города.

Обычно на эту подработку Кай тратил несколько часов, после успевая поработать над фреской и даже заскочить напоследок в таверну, что зимой особенно наполнилась людьми. В питейное заведение он зачастую заглядывал тоже по работе. Находилось оно на самой верхней по пологому склону улице, возвышалось над нижними домами и было прекрасно видно с берега озера. Особенно легко его можно было найти взглядом в конце весны – из-за цветущего дерева груши,

«распятого» на фасаде дома. Шпалера поддерживала молодые ветви, заставляя их лхнуть к стене и не позволяя разрастаться пышной кроной во все стороны. Но если весной и летом растение выглядело красиво, то зимой не покрытые снегом участки коры издали казались трещинами на белой стене.

Именно в этой таверне когда-то начался путь Кая как художника. Однажды летом, когда ему было одиннадцать, ба-

бушка подарила Каю листы бумаги и его первые графитовые карандаши. Он открыл для себя новое развлечение – попытался перенести лица людей на бумагу. Поначалу рисунки совсем мало напоминали людей, но со временем обрели черты, что делали портреты узнаваемыми. Помимо этого, они выглядели смешно, словно, перенося на бумагу внешний облик того или иного человека, Кай утрировал некоторые детали. Выходило это неосознанно, поэтому Кай даже не мог предположить, что эти рисунки могут вызвать всеобщее осуждение.

Но он старался их никому не показывать, считая чем-то сокровенным. Только все тайное рано или поздно становится явным. Будучи старше Кая на пару лет и значительно крупнее, Петтер отобрал его папку с работами и разбросал их на площади, где собирающиеся летом горожане увидели их.

В то время Кай перепугался, ожидая, что его положение станет только хуже. Он боялся привлечь к себе внимание. Только хотя его и стали порицать оскорбленные своими карикатурными портретами жители, это неожиданно вылилось в более человеческое отношение. Словно он на время перестал быть существом, которое не должно было появиться на белом свете, а стал обычным ребенком.

Соседские дамы качали головами и ворчали, что за его воспитание обязательно надо взяться. Мальчишка растет несносным. Ну еще бы, без твердой отцовской руки.

Но к этому моменту Кай уже так увлекся, что рисование

не бросил, а попытался сотворить более реалистичные портреты. Точнее, тогда ему даже в голову не пришло изобразить не людей, а нечто иное. На удачу, тем летом в их городке гостил художник из столицы, и, хотя выпить он любил, это не уменьшало его знаний. Увидев рисунки Кая, он поразился его таланту. «Почему бы тебе не пойти в горы? У вас же такие живописные просторы!» – сказал художник. А после Кай все лето и начало осени провел бок о бок с ним, перенимая его опыт, учась работать с краской и другими материалами.

У его учителя было три любимых занятия. Либо он рисовал в мастерской, которую обустроил в одной из комнат, арендованных у бабушки Кая, – тот дом всегда был слишком просторным для двоих; либо гулял по горам и в окрестностях Малервега, забредая во все малопроходимые места, и делал зарисовки – уже в то время Кай был отличным проводником, словно чувствовал природу, всегда знал, в какой стороне город. Последним его излюбленным времяпрепровождением было выпивать в таверне, и занимало это не так уж мало времени.

Несмотря на последнее увлечение художника, то лето все равно для Кая стало особенным. Словно один из потерянных им кусочков пазла нашелся. Даже мучившие его тогда сны на время отступили, лишь изредка нарушая его спокойствие. Будь он старше и не останься бабушка одна, возможно, Кай бы покинул город вместе с художником. Совесть и любовь не позволили ему оставить самого дорогого в его жизни че-

ловека, который души в нем не чаял, в совершенном одиночестве.

С тех пор Каю стало мало душевной комнаты, скучной, но стабильной работы и спокойной жизни. Он был мечтателем, но вовсе не тем, кто витал в облаках. Он всегда знал, чего желал.

Даже теперь, когда его жизни отмерен срок. Хотя ему потребовалось время, чтобы примириться с этим решением.

Кай зашел в таверну и занял привычное место. Раз в несколько недель он по традиции заглядывал сюда, рисовал карикатуры, которые с некоторой поры стали развлечением для местных завсегдатаев, а после получал плату от хозяина заведения. То, что поначалу порицалось, ныне приносило ему небольшой, но все же доход.

Работа в шахте оставляет отпечаток и на лице и на характере. Добыча соли была тяжелым занятием, люди весь день проводили в недрах горы, поэтому посетители здесь всегда имелись, даже несмотря на размеры городка.

Когда сумерки расползлись по городу, принесся с собой неплотный туман, дверь в очередной раз распахнулась, и внутрь вошел Петтер. Кай, даже не оглядываясь, понял, что это он, по запаху, всегда сопровождавшему его, горьковатому аромату полыни.

Кай не понимал, откуда взялся этот аромат, но всегда ощущал его, стоило Петтеру появиться поблизости. Прошло некоторое время, прежде чем он сел напротив, шумно опу-

стив на стол кружку с элем.

– Слышал, дочка Хэстеинов положила на тебя глаз, – сказал он, а Кай промолчал. Ему говорили это не один раз с тех пор, как он написал несколько портретов для самой богатой семьи в городе. И о чем они все думают? Наверное, «хватай, идиот, пока она на тебя смотрит».

– Они настолько богаты, что отец может послушать дочку. Да и занятие у тебя... аристократическое. Только они могут себе позволить не работать и заниматься этим, – добавил Петтер, небрежно кивая на уголь в руке Кая.

– Это не твое дело, Петтер, – произнес тот. Ему немало доставалось, пока они оба были детьми, поэтому в любом их разговоре сквозило напряжение. Петтер всегда любил его задирать. Но прошло немного времени, Кай вытянулся и, несмотря на свою работу, вырос вовсе не слабаком. Возможно, в последнем немалую роль сыграла их вражда.

Решив, что на сегодня достаточно, Кай стал собирать материалы в футляр, который когда-то сам сшил из кожи. Отделений было много, а кистей мало – он всегда носил их с собой. Раньше он любил помечтать о том, что, когда переедет в большой город, сможет позволить себе все материалы. Но теперь он готов был признать, что его желание не исполнится.

Кай думал, что отнесся к ситуации хладнокровно, ведь у него еще было время. Но в горле встал ком, и горечь вновь заняла в сердце, сдавливая дыхание.

– Я беспокоюсь. Может, ты все же окажешься умнее, чем я думал, и воспользуешься возможностью. – Голос Петтера звучал стеклянно-чисто, будто в таверне они были одни. Он провел рукой по пшеничным волосам, ухмыльнулся, являя щербатую улыбку.

– Тебе стоит молиться, чтобы я не удивил тебя своим выбором. Иначе придется попрощаться с рабочим местом у Хэстеинов, – холодно бросил Кай, закидывая лямку сумки на плечо. Конечно, сорвавшиеся слова были ложью: даже если бы он пожелал, времени бы на выполнение угрозы не хватило.

– Думаешь, куплюсь? – не растерялся Петтер, перегнувшись через стол. – Ты всегда строишь из себя благородного. Наверняка думаешь, что такой *низкий* путь не для тебя.

Кай резко поднял сумку, так что она пролетела, лишь чудом не задев лицо собеседника.

Петтер инстинктивно отшатнулся.

– Ублюдок, – тихо прошипел он.

Кай поднялся и подошел на едва гнущихся ногах к стойке в центре заведения за обещанной платой. Несколько медных монет тепло легли в ладонь. Попрощавшись с хозяином, он направился к выходу.

Когда его пальцы сомкнулись на дверной ручке, послышался резкий треск древесины, будто он слишком крепко ее сжал. Но, не задумываясь над этим, Кай стремительно вышел на улицу, вдыхая прохладный воздух, который отрезвляюще

колол щеки, но не унимал тяжесть в груди – ярость внутри его сердца продолжала нарастать, скручиваясь в тугой узел.

Кай успел пройти совсем немного, когда за его спиной раздался хлопок и донеслись стремительные шаги, захрустел снег. Улица тонула во тьме, слегка рассеянной светом окон.

Кай знал, когда Петтер сделает это. Слишком часто они сталкивались. Его мощный кулак обрушился со спины. И в этот момент время словно замедлилось. Еще мгновение назад Кай малодушно желал принять удар, где-то внутри теплилась жалость к самому себе, которая просила сложить руки, поддаться унынию и пасть на самое дно. Все же зачем он выпросил этот год? Это все равно что медленная смерть. Он лишь оттягивает неизбежное.

Другая же его сторона, подгоняемая упрямством и верой, словно потянув на себя нити его души, заставила воспрянуть. Все для чего-то родились, и в своем появлении на свет Кай тоже был обязан видеть смысл. В искусстве он обрел себя, искусство после смерти и должен оставить. Мазок краски его рукой на полотне мировой культуры.

Кай уклонился, слыша звук рассеяемого воздуха, – так близко от его лица пролетела чужая рука. Сумка подскочила, из нее выпал спешно сложенный футляр с кистями.

– Высокомерный выродок, – выплюнул Петтер, гневно сверкая глазами, как разъяренный бык. И ринулся на Кая, занося руку для нового удара.

Кулаки у Петтера были крупными, мышцы мощными из-

за работы в шахте. Кай не смог полностью увернуться, и кулак Петтера вскользь задел его плечо. Кай сразу же ощутил стреляющую боль, но, словно не замечая этого, уже занес другую руку, давая сдачи. Кулак попал в лицо, да так, что голову Петтера повело, и он попятился.

Они застыли друг напротив друга, согнувшись и тяжело дыша. Петтер держал ладонь на левой стороне лица, которое опухало прямо на глазах, а Кай прижимал к себе поврежденную руку здоровой. Плечо ныло, боль пульсирующей волной била в голову. Разгоряченное, гневное дыхание вырывалось изо рта.

– Выродок... – вновь бросил Петтер, сплюнув на землю кровь. Словно попрощавшись этим, он развернулся и направился обратно к таверне. Коридор света рассек холодную тьму, а после сразу исчез – дверь захлопнулась за Петтером.

Кай прикрыл глаза, хрипло дыша. Плечо давало о себе знать, хотя боль и стала немного тише. Он нагнулся, подбирая футляр и проверяя целостность кистей. Петтер наступил на него, и Кай не сомневался, что сделал он это специально.

– Я могу перерезать ему глотку, – раздался голос среди тишины, пронзив ту, как стрела.

Она сидела на заснеженном балкончике дома, прямо над головой Кая. Белые волосы стекали по ее плечу. Каждый раз они меняли длину, то были слишком длинными, как сейчас, ложась на ее бедра, то едва достигали лопаток.

Кай ничего не ответил. Сегодня вечером он меньше всего

желал видеть и слышать Деву Льда. Да, он жаждал встречи с ней много лет и даже теперь не мог сказать, что жалел о том, что она состоялась. Но сейчас он только начал осознавать свою участь и скорбеть по себе собирался в одиночку.

Положив футляр в сумку, все еще прижимая к себе руку, он пошел по дороге в направлении своего дома.

– Так мне перерезать ему глотку? – Она вновь оказалась рядом, уже на другом балконе.

– Ты можешь только убивать? – Кай остановился, мимо-летно осознавая, что его сердце вдруг забилося слишком медленно, словно с расстановкой. Не дождав-шись ответа и приняв молчание за согласие, он продолжил: – И поэтому тебя все ненавидят... Снежная Ведьма, – повторил он имя, которым называли ее местные при закрытых дверях.

Она спрыгнула с балкона. Когда ее ноги коснулись земли, снег всколыхнулся и словно застыл в воздухе. Похолодало стремительно. Прямо на глазах Кая окна ближайшего дома покрывались морозными узорами.

– Я предложила тебе помощь.

– Ты предложила кого-то убить, а не помощь, – процедил в ответ Кай. – Может, моей матери ты тоже предлагала помощь?

– Я не повинна в смерти твоей матери.

– Все в округе считают иначе, – с нажимом произнес он. Дева сделала к нему шаг и склонила голову. Ее глаза сияли, став еще одним источником света в окружающей их тьме.

– А ты глупец, раз слушаешь *всех*, – прошипела она, выделяя последнее слово, словно оно было ругательным. А в следующую секунду перед его глазами взметнулась стена снега. Когда та исчезла, от Девы Льда не осталось следа. Кай стоял один, все еще шумно дыша. Возможно, он был не прав, но сегодня у него не нашлось сил на понимание и любезность.

Поправив воротник, Кай зашагал к дому.

Снег на озере расчищали редко, всего несколько раз за зиму, и всегда в первые холодные месяцы, как только толщина льда становилась безопасной. Это время нередко напоминало праздник, ведь в период коротких дней и долгих ночей оставалось не так много способов для развлечения. Уже после полудня у озера собиралась едва ли не треть города. В это время работа в шахте останавливалась. Мужчины сгребали снег, перед этим разжигая на берегу высокий костер, который горел весь день, согревая в минуты отдыха. Женщины готовили еду. Временами Вигге приносил с собой аккордеон, развлекая народ, пока не замерзали пальцы. Играл что-то свое, веселое и залихватское.

Иногда он уверял, что одна из исполняемых им мелодий являлась особо популярной в столице в этот год. Когда ему кто-то возражал, то шум поднимался немалый – очень уж любил Вигге спорить и оказываться в центре внимания. В такие моменты выглядел он крайне оскорбленным, хотя сам был в столице лет десять назад и точно не мог знать о последних музыкальных веяниях.

С чисткой снега обычно заканчивали, когда солнце скрывалось за верхушками гор и наступали сумерки. Лед расчищали вплоть до Малервега, который спускался с холма к самому краю озера. Выходили кататься сразу же, а кто не на-

девал коньки, стоял у костра, греясь и попивая глинтвейн, что варился прямо здесь же, на огне. В эти вечера жизнь в городке кипела.

Кай сидел на каменном берегу, свесив ноги надо льдом. Левая рука, подвязанная куском ткани, висела на его груди. Плечо нельзя было тревожить, отчего он весь день проработал над картиной, непрестанно радуясь тому, что пострадала левая рука, а не правая. Но чистить снег, как и кататься, Кай не мог – слишком велик был шанс упасть и сделать еще хуже, сильнее повредив плечо. Зато щербатую издевательскую ухмылку Петтера видел издали, впрочем, как и налившийся синяк у него под глазом.

Прохладный ветер обдувал лицо, небо затянули неплотные облака, пока не обещавшие снега.

Когда Кай в очередной раз посмотрел на Малервег, ему показалось, что он разглядел слабое белое сияние среди деревьев. От этого по телу разлилось напряжение.

Кай выискивал Деву уже несколько дней, лишь поэтому выходя на улицу, – ведь, когда схлынул гнев, пришло понимание: он не должен был говорить то, что сказал. По крайней мере, не так. Он имел право злиться, но не выплескивать свою ярость.

Так он ничего не узнает.

Кай запрокинул голову, и голой кожи шеи коснулся морозный воздух. Его окликнули, и он скосил взгляд на лед – кто-то из ребят помахал ему рукой. Трин, Йон и Герда ка-

тались вместе, хотя иногда в их компанию влетал Петтер со своей шайкой.

Сейчас он почти жалел, что не согласился на предложение Девы... Когда Петтер в очередной раз появился вблизи друзей Кая, в его сознании словно наяву пронесли слова Леядницы:

«Я могу перерезать ему глотку».

Он отвернулся, глянув в сторону берега.

Семья Хэстеинов, чей особняк высился на той стороне озера, недавно подошла. Стояли чинно втроем, словно были хозяевами не одной шахты, а всего города. Хотя почти так и было. Супруга Одена Хэстеина, как и их дочь Ханна, прятала ладони в муфту из лисьего меха. Из того же меха была сделаны и опушки на их пальто. К ним все время подходили поздороваться, а они величественно кивали, обменивались с говорящими парой фраз, улыбались, но не сходили с места.

Кай заметил, как взор Ханны переместился с катающихся на него и вновь на гладь озера. При этом ее лицо не выражало никаких эмоций, словно ее вовсе не интересовало происходящее – все это было следствием строгого воспитания. Дочь должна была поддерживать образ их семьи. Кай знал не понаслышке, что сама Ханна была вовсе не чопорной. Слегка наивной, но вполне приятной.

Над головой раздался высокий крик птицы. Огромный белый сокол стремительно пронесся над озером, и это заставило некоторых замереть, хмуро вглядываясь в небо.

Белый кречет. В некоторых людских историях, накопившихся за века, эта птица упоминалась вместе с Владычицей зимы. Кто помнил об этом, сразу обратил внимание на сокола.

Кай аккуратно спустился с каменного уступа, решив прогуляться в сторону леса. Он шел по льду аккуратно, хотя тот все равно был запорошен слоем снега, не позволявшим поскользнуться. Долгое время Кай смотрел себе под ноги, слыша, как похрустывает снег. Голоса людей остались позади, стали глухими, будто между Каем и озером возникла стена.

Кай продолжал идти, когда новый проблеск света среди высоких деревьев снова привлек его внимание. Он остановился в тревожной тишине, вдруг расслышав стук. Кай не сразу понял, откуда тот доносится, и даже удивленно pokrutil головой, а после медленно опустил взгляд под ноги – жуткие посиневшие руки били по льду под водой. Длинные, худые, как палки, они напоминали изогнутые голые ветки. От ударов, становившихся сильнее, кожа мертвеца сминалась и слетала, словно шелуха, обнажая кости. Обглоданное рыбами лицо и взор мутных глаз был устремлен к нему, рот разинут, а в глубине глотки виднелось слабое сияние.

Кай дернулся, собираясь бежать, но не смог двинуться с места – его ноги примерзли ко льду. Он задыхался от собственного ужаса и был готов закричать, но в первый раз из горла вырвался лишь хрип, а второй попытки ему не дали. Послышался треск, и Кай провалился под лед.

Озеро Хальштеттер Йенни

– Мне, видимо, больше нечем заняться... – протянула Йенни, сидя на заснеженном берегу. Возле нее в ряд стояло несколько ледяных фигурок – миниатюрных, словно игрушки. В ее тонких и изящных пальцах они переливались, наполняясь магией Девы.

Среди них были юноша и маленький мальчик – оба один и тот же человек, только в разном возрасте. Там же находилась и человеческая девушка с пышным облаком волос, нашелся и Соманн. Ледяная фигурка Сеятеля была уже третья по счету – предыдущие Йенни по неаккуратности и несдержанности сломала.

Ведь как властитель снов не смог удержать человека во сне?

С людьми всегда было проще. Они подчинялись силе. Если бы Соманн пожелал, любой человек мог бы проспать месяцы, в итоге умерев от истощения – тела смертных удивительно слабы.

Но Сеятель выпустил Кая из сна, и результатом стало соглашение, которое она заключила с ним. Зачем она так поступила, если не желала этого? Для себя Йенни решила, что Кай прекрасно умеет убеждать.

Раздался треск, и еще одна ледяная фигурка, разбившись, осколками упала на снег.

– Идиотка, – прошипела она сама себе.

Птица крикнула, будто соглашаясь с ней.

– И что мне теперь, следить за ним? Будто и так забот мало. Еще обвинять меня в чем-то вздумал! – Дева Льда вскочила на ноги. Стоило словам Кая всплыть в памяти, она сразу начинала злиться и не могла усидеть на месте. – Варди, ты ведь понимаешь, какая это наглость?

Белый сокол, опустившийся на поваленное дерево, повернул голову.

– Это не повод обвинять меня, – гневно возразила Йенни. Сокола она понимала. Правда, каким именно образом, Деву не волновало. Как человек не задавался вопросом, каким образом возникают мысли в его голове, так и она никогда об этом не задумывалась.

Она остановилась, пальцы правой руки уперлись в лоб.

– У меня болит голова, – пожаловалась она. – Нет, это не потому, что я много размышляю. Мне просто хочется отыскать Соманна и вздернуть его. Но он знает, что сотворил, и прячется.

Белый сокол взлетел и опустился ей на плечо. Птица с блестящими полупрозрачными крыльями и заостренными, словно клинки, перьями была огромна. Вспыхнув светом, Ледяница сменила облик; послышался скрежет длинных острых когтей по льду – с такой силой лапы птицы сжимали ее плечо.

– Убила бы, если бы могла. Только смысла теперь нет. Я пообещала ему время и дала клятву. Если за ним придут, это

иной разговор. А сейчас... – Йенни остановилась, хмурясь. Рассеченная бровь придавала ее облику дерзости. Впрочем, властность отпечаталась в ее чертах настолько, что одного взгляда хватало, чтобы почувствовать это. – Уже поздно. Я дала клятву, потому что его стремление показалось мне благородным. Что ж, слабоумием страдают лишь люди. У живущих вечно только одна проблема – безумие. И ни тем, ни другим я пока не больна. Но все равно раздражает безумно. – Ее глаза сверкнули, резко похолодало, и от перепада температур над землей растелился туман. – Он еще развлекаться может. Глупая людская забава... – Слегка повернув голову, она резко спросила: – Что он там делает? К друзьям своим пошел?

Йенни находилась на самом отдаленном от города берегу озера. Человек бы никогда не разглядел ее с такого расстояния – слишком она сливалась с белизной мира вокруг, впрочем, и Дева различала лишь темные силуэты, мельтешащие вдалеке.

Но у нее был Варди, а с остротой зрения белого сокола мало что могло поспорить.

– Провалился под лед? – переспросила она неосознанно, изящно складывая руки на груди. И вдруг воскликнула, напряженно выпрямившись: – Как это провалился?!

Сокол взлетел, кружа над ее головой, когда ноги Девы спустя мгновение коснулись льда озера. Снег взметнулся, прежде чем вновь опасть на землю. Йенни подняла взгляд к

небу, на котором ярко сияло ночное светило.

– Если эти люди увидят меня... то со свету его сживут, – прошептала она, и ее белые брови озабоченно сошлись на переносице. Взор Девы Льда опустился под ноги. Поразмыслив, она криво усмехнулась: – Ладно, сделаем иначе.

А в следующую секунду она наклонилась вперед и упала, прямая и будто неживая, словно опрокинутая фарфоровая статуэтка. Неуловимое мгновение – и ее тело прошло сквозь лед, который с хрустом исполосовали трещины. И лишь серебряные волосы промелькнули под ним.

Кай

Ледяные пальцы обхватили лодыжку, сдавили и потащили в глубину. Одежда Кая мгновенно превратилась в тяжелые тряпки, что лишь помогали унести его на дно.

Холод озера отрезвил Кая, и он стал бороться. Сам поплыл навстречу мертвецу, вдруг узнавая бледное лицо. Хальштеттер редко требовал жертву, но, когда кто-то тонул, по нему горевали и в то же время считали, что такова судьба. Эта мысль придавала жителям необъяснимое спокойствие. Всем, кроме родных погибшего.

Дорта захлебнулась пару лет назад – ее тело так и не нашли, сколько ни искали по берегу. Теперь же именно Кай наткнулся на ее останки.

Все время, пока он пытался разжать хватку трупа, его не покидало ощущение нереальности происходящего. Низкая температура притупила боль в плече, но легкие, наоборот, горели, словно внутри него зарождалось пламя.

В какой-то момент мертвая девушка вскинула голову, и гудящий крик вырвался из ее глотки, будто с целью испугать Кая. Даже под водой он оказался громок, словно зазвучал сразу в его голове.

И тогда кисть Дорты дернулась, увлекая его глубже. Пальцы Кая разомкнулись, и взгляд обратился вверх – прореха

в гладком льду озера была далеко, а горное озеро теперь казалось и вовсе бездонным.

Эти воды все же собирались его поглотить.

«Только не так...»

С каждым днем он с удивлением осознавал, насколько отчаянно желает жить. Почему раньше не ценил отведенного ему времени? В этот миг даже оставшийся у него год показался длиною в вечность.

«Пожалуйста...»

Твердые, прозрачные в горной воде озера руки легли на его лодыжку. Он ощутил их холод и видел, с какой властью и силой, заключенной в этих тонких пальцах, они разжали хватку мертвеца. От удивления Кай выпустил остатки воздуха, что вмиг пузырьками улетели наверх.

Волосы Девы расплылись, сверкая серебром в темной воде. Она с какой-то мучительной медлительностью отвела ладонь назад, прежде чем резко вытянуть ее, ударяя в грудь трупа. Рука Ледяницы прошла сквозь ребра Дорты, и она скривилась, видя, как расплываются в воде остатки гнилой плоти.

Наружу из спины мертвой девушки выскочил светлый огонек, и тело обмякло. Дорга стала падать, собираясь исчезнуть в бездне темных вод. На ее шее что-то сверкнуло.

Смотря в ее открытые глаза – серые и местами потемневшие, – Кай вскинул едва слушающуюся руку, словно желая удержать девушку. Ему стало ее жаль – родители до сих пор

надеялись на ее возвращение, хотя все в городе знали, что это невозможно.

Белый огонек кинулся к Каю, почти коснулся его, когда ладонь Девы Льда сжалась в кулак в нескольких миллиметрах от его груди. Глаза ее кровожадно сверкнули. Она неотрывно смотрела на свою кисть, пока вспышка, прошедшая сквозь ее пальцы, не вызвала волну удовлетворения на ее вечно юном лице.

«Оно было живое», – как затухающая искра, мелькнула последняя мысль в голове Кая. Веки его сомкнулись – он больше не мог сопротивляться холоду, совсем не осталось сил. Без воздуха и тепла Кай умирал...

Он падал вслед за трупом, а в ушах словно нарастало пение. Пение вод, гор и зимы. Самой природы, царствующей в округе. В полной темноте его сознания же прорастали, извиваясь, как плющ, розы. Они были стеной, они были безумством, они были угрозой, и от них пахло смертью. Словно Кай вышагивал по полям сражений, будто...

Его поцеловали – и все исчезло. Кай распахнул веки, сталкиваясь с упрямым взором казавшихся под водой ярко-голубыми глаз. Она схватила его за ворот, целуя вновь, – яростно, зло, так что его губы закололо. Ее поцелуй напоминал сражение, нежности в нем не было и капли.

Кай должен был окончательно замерзнуть от этого прикосновения, но случилось иное – он перестал ощущать холод вовсе, его руки и ноги словно налились силой, и пусть

сердце билось медленно, но каждый его удар был мощным и непреклонным.

Дева Льда отстранилась, ее большие глаза сверкали в озерной воде. А в следующую секунду, почти не меняясь в лице, она оттолкнула его вверх, ближе к месту, где он провалился. Неподалеку лед пропускал скопление желто-оранжевых огней – люди наверняка видели, как Кай ушел под лед.

Он посмотрел вниз лишь раз, чтобы увидеть сплетенные на груди руки и хмурое недовольство на ее лице. А после потребность в воздухе взяла свое, его легкие разрывались от нехватки кислорода, и Кай поплыл к поверхности, к огненным пятнам, мерцающим на водной глади с плавающими кусками льда.

Мгновение, и он с плеском выплыл из объятий смерти, с упоением глотая воздух, прежде чем вновь едва не с головой уйти под воду. Легкие болели, словно готовые порваться, как растянутый кусок ткани.

– Кай! – услышал он надрывный зов Герды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.